

Продолжение романа
«48 минут. Осколки»

48 МИНУТ
Ленел

Виктория Побединская

Виктория Побединская

48 минут. Пепел

«Автор»

2023

Побединская В.

48 минут. Пепел / В. Побединская — «Автор», 2023

Охотник, любовник, предатель и жертва. Они думали, что в этой игре их четверо... Как же они ошибались. Виола и трое случайных попутчиков пытались узнать о своем прошлом, но оказались в смертельной опасности. Секретные документы и разбитые на осколки воспоминания приводят их в лабораторию «Корvus Коракс». Что откроется в последнем досье? Станут ли герои злодеями, суждено ли любви и ненависти превратиться в пепел?

© Побединская В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1. Воспоминания	5
Корвус Коракс. Закрытые материалы	10
Глава 2. Взрывы	15
Корвус Коракс. Закрытые материалы	21
Глава 3. Лаборатория	24
Глава 4. Клетка	35
Корвус Коракс. Закрытые материалы	45
Глава 5. Рейвен	47
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Виктория Побединская

48 минут. Пепел

Глава 1. Воспоминания

– Непроизвольная память стерта.

Я щурюсь от холодного света ламп над головой.

– Эмоциональная привязанность удалена, – продолжает механический голос.

Мышцы сводит, будто тело пробыло в одном положении слишком долго. Я пытаюсь сесть, но ничего не выходит.

– Долговременная память уничтожена.

Сквозь шум крови в ушах я все еще слышу холодный голос, который произносит эти слова снова и снова.

– Ник, Арт, вы здесь? – пытаюсь произнести я, но язык не подчиняется.

– Операция завершена.

И тут я понимаю, что снова нахожусь в лаборатории. Это, должно быть, ошибка. Они не должны были нас поймать! Я изо всех сил пытаюсь, но не могу сбежать. Вырываюсь, бьюсь в крепко удерживающем на месте кресле, кричу – только из горла не вырывается ни звука, так что остается только жалобно скулить, принимая неизбежное.

– Загрузка прошла успешно!

Я падаю в глубину собственного подсознания, напоминающего о том, что меня больше нет. Уничтожили вместе с памятью. Все, что я могу, – лишь безмолвно выть, пока наконец не просыпаюсь от того, что подушка пропиталась слезами. Горло пересохло так, что, кажется, не вдохнуть. Я закрываю лицо руками. Кислорода не хватает, поэтому пытаюсь глотнуть хоть немного воздуха ртом – как вдруг чувствую, что запястья снова скованы. Только это прикосновение не холодного металла, а теплых рук.

– Тише. Спи, я здесь, – шепчет до боли знакомый голос, и, уткнувшись носом в плечо Ника, я разрешаю себе разрыдаться, а он разрешает мне побыть слабой и беспомощной. Гладит по голове, зарываясь в волосы пальцами, водит по моей щеке кончиком носа, едва задевая губами висок, и, успокаивая, повторяет: – Я буду рядом.

Я качаю головой:

– Я знаю, что ты уйдешь.

Хочется сказать, как я сожалею обо всем; что, вернись мы назад, не повторю своих ошибок. Стану для него поддержкой, тем человеком, на которого он сможет положиться, – но вместо этого жалобно прошу:

– Не уходи.

Хочется кричать, умолять его не оставлять меня, но Ник никогда не слушается. Крепче прижимаясь к его груди, я закрываю глаза, чтобы еще капельку погреться чужим теплом. Ведь за окном зима, и тепла катастрофически не хватает.

– Я буду здесь, я ведь обещал.

Не уверена, злюсь ли на него, ненавижу, скучаю или люблю, – но у его обещаний привкус горечи, ведь что-то внутри меня точно знает: это неправда. И, все так же не открывая глаза, шепчу:

– Ложь. Ты всегда уходишь.

– Из нас двоих только ты лжешь себе, Веснушка. Ведь это твои сны.

Я крепче сжимаю кулаки, надеясь почувствовать между пальцами ткань рубашки, но открываю глаза и понимаю, что вцепилась в пододеяльник. Протягиваю руку, но на кровати

пусто. Ничего, кроме ледяной ткани простыни. А значит, не было ни теплых рук, ни длинных пальцев, перебирающих волосы, ни тихого успокаивающего голоса. И я снова закрываю глаза...

Следующие несколько дней я не могу заставить себя подняться. Словно то самое солнце, про которое так часто писал Ник, внутри меня погасло. Не стало того, кому нужен этот свет. И самого света не стало. Я не хочу есть, пить, двигаться. Просто лежу в кровати, потертое изголовье которой стало уже почти родным, гляжу в растрескавшуюся стенку, изредка проваливаюсь в сон. Чувство вины вкупе с потерей единственного человека, который меня по-настоящему знал, ощущаются так опустошающе гулко, что, кажется, никогда не станет легче. Но более всего бьет пришедшая в одну из бессонных ночей мысль, столь же внезапная, сколь повергающая в шок: «Я могла бы в него влюбиться. Просто не захотела».

Я прикрываю глаза, восстанавливая по крупницам его образ в голове. Острый взгляд, черные пряди, улыбку со вздернутым уголком губ, обнажающую левый клык, острый, словно у волчонка, и эта улыбка так отвратительно подходит под его характер, что становится смешно. До истерики. Расхохотаться бы во всю мощь легких, так, чтобы не вдохнуть, но вместо этого из горла вырывается только сухой кашель. Я пытаюсь встать, но в глазах темнеет от слабости, а хрипы отдают в горле удушьем. Если я продолжу захлебываться в одиночестве, запершись в комнате, у меня точно съедет крыша.

Ник считал, что у нас все получится. И если он все тот же упрямый идиот, каким был, наверное, и тысячу жизней до этого, он не сдастся. А раз так, значит, и я должна верить. Если не в себя, то в него.

Я цепляюсь за надежду, что когда-нибудь мы обязательно встретимся. Стараюсь до этой мысли дотянуться, ухватиться за нее, как за спасательный круг в открытом море. Кое-как поднявшись, ковыляю в ванную и впервые за много дней встречаюсь со своим отражением.

– Ох, господи, – глядя на спутанные волосы и тени под глазами, произношу я.

Перехватив волосы, стряхиваю с себя одежду и запихиваю ее в стиральную машину.

– Тебе еще везет, что за веснушками не видно красных пятен, – говорю я, натягивая чистые штаны и свитер, принадлежавший Нику. Запаха там уже не осталось, зато ловко имитируется атмосфера его присутствия. – А если волосы сами по себе сбиваются каждое утро в колтун, то и это гнездо никто не заметит, – добавляю я, доставая расческу.

Управившись с внешним видом, спускаюсь по лестнице, сворачиваю за угол, где зеркало на стене ловит мое тусклое отражение, уже не столь пугающее, и, услышав родные голоса, останавливаюсь.

– Часть файлов защищена паролем, то есть внутри что-то важное. Если Ник их отметил, значит, точно об этом знал, – говорит Шон.

Из коридора я могу разглядеть только его напряженную спину, склонившуюся над компьютером.

– И что там, по-твоему? – отзывается Арт.

– Если то, что происходит в Кораксе, не согласуется с политикой правительства, тогда, может, эти опыты настолько дики и неприемлемы с точки зрения морали, что произвели бы общественный резонанс? Какие-нибудь подтверждения незаконной деятельности?

– По-моему, даже того, что есть на диске, уже достаточно, чтобы прихлопнуть Максфилда как таракана.

– Это не доказательства, Арт, ты же понимаешь.

– Вот же засада. – Кавано плюхается с ногами в старое кресло и, судя по звуку, принимается бросать в стену резиновый мяч. – Так, значит, нам надо теперь искать ту самую Рейвен?

– Думаю, да. Скорее всего, у них был договор: ее свобода в обмен на пароль от файлов Третьей лаборатории. Такая как она ни за что не выдаст козыри, не имея гарантий, что Ник не блефует.

– Такая как она? – удивленно переспрашивает Арт.

– Не важно, – отмахивается Шон и тут же переводит тему: – Вероятно, именно ее пытался бы вытащить Ник, будь он здесь.

– Жаль, он не здесь.

Я глубоко вдыхаю, сдерживая слезы, потому что знаю: стоит начать плакать – уже не смогу остановиться. Вместо того чтобы дать волю чувствам, накидываю объемную вязаную кофту и впервые за три дня выхожу на улицу.

Двухэтажный бревенчатый дом стоит практически на краю мира. Дальше – только тысячи тонн воды, разбивающиеся об острые белоснежные скалы. Здесь много северного ветра, пронизывающего влажного воздуха, но и он не спасает. Все меня здесь душит. Стены давят, гнетут оглушающее одиночество, болезненная пустота, а больше всего – мысли.

Если бы Ник остался...

Если бы прочитал все то, что сам написал...

Как бы он хотел, чтобы я поступила?

Хочется крикнуть, что он меня переоценил, швырнуть эти слова ему в лицо – но мой голос сейчас не громче писка. Холод впивается в кожу, проникая в самые кости, – хотя, кажется, погода тут ни при чем. Я поеживаюсь и плотнее запахиваю кардиган. Хочется сбежать, только с каждым шагом все очевиднее: далеко уйти не получится. Сегодня явно не мой день. А если так, то самый правильный вариант – вернуться в тишину своей комнаты, и я переставляю ноги, движимая лишь одним желанием – поскорее ото всех закрыться. Поднявшись к себе, скидываю кардиган и ложусь в кокон одеяла, прислоняюсь макушкой к кожаному изголовью. Обессилив, проваливаюсь в дрему – пока до меня не доносятся шаги из коридора. Судя по мягкой поступи, это Арт.

Он заходит в комнату и садится на кровать. Матрас прогибается, и я поневоле сползаю в сторону Кавано.

– Хватит киснуть! От того, что ты затопишь слезами оба этажа, ничего не изменится.

– Тебя Шон подослал? – голос хрипит то ли от усталости, то ли от долгого молчания. – Он теперь тоже в курсе?

Уже от осознания, что еще один человек выпотрошит всю мою (нашу с Ником?) жизнь, хочется скулить, повторяя мантру про дурной сон.

– По лишь ему известным моральным принципам он читать отказался. Занялся изучением документов, которые Ник на диске собрал.

Я резко разворачиваюсь, сталкиваюсь взглядом с Артуром. Судя по лицу, он уже знает, о чем я хочу спросить, но молчит. Осторожно произношу:

– Ты ему рассказал? О нас?

Арт притворно надувает губы.

– Тогда и не говори, ладно? Я не хочу, чтоб кто-то еще знал.

– Почему? – спрашивает он тихо и мягко, но этот простой вопрос задевает сильнее любых обвинений.

– Все стало слишком сложно. – Я отворачиваюсь и снова утыкаюсь лицом в подушку, пытаюсь скрыть вспыхнувшие на лице эмоции. – Он не вернется, Арт. Если вообще жив. Ты же знаешь, Ник упрямый, как черт, даже номер сменил, чтобы мы не смогли его найти.

Кто-то другой бы не заметил моих слез, но не Арти. Уже в следующую секунду он поднимает меня, усаживая рядом. Откидывается на подушки, и я крепче прижимаюсь к его боку, уткнувшись щекой в рубашку.

– Ты злишься на него? – спрашивает он, бережно поглаживая меня по волосам, и я киваю. – Значит, я не ошибся. Ник тебе дорог. Так злятся лишь на тех, кого больше всего боятся потерять. И я думаю, он вернется. Ведь Ник на тебя всегда по-особенному смотрел.

– Тогда почему он не выходит на связь? Уже месяц! Однозначно же, Джесс все ему рассказал еще в первый день. Думаешь, он нас ненавидит?

- Вряд ли. Ник не стал бы дуться из-за такой ерунды.
- Тогда я не понимаю... Неужели нельзя написать или позвонить?
- Он вернется.
- И я его придушу.
- Ты обнимешь его, показывая, как скучала, – поправляет Арт.
- В таком случае придушу в смертельном объятии, – сопротивляюсь я.
- Звучит уже оптимистичней. Если над последней версией поработать, к его возвращению может мы даже до поцелуя в щечку дойдем, – добавляет он.
- И я смеюсь. Впервые за долгое время.

Весь следующий день проходит в полубреду – от головной боли из-за слез и трехдневной голодовки, – а также в попытках отвлечь себя хоть чем-то, лишь бы держаться подальше от спальни. Чтобы занять руки, я решаю разгрести на кухне возникшие завалы, и, как истинный джентльмен, Шон вызывается помочь. А может, просто хочет убедиться, что я в порядке и не виню себя в произошедшем. Впервые за это время посмотрев в глаза Рида, читаю в них такую же растерянность. И хотя я уверена, что у него ко мне миллион вопросов, – он не задает ни одного, просто трудится рядом, ожидая, что я расскажу сама. Только вот рассказывать нечего. Так что куча грязной посуды в комплекте с тоскливыми мыслями и побитым взглядом Шона – единственное мое развлечение на вечер.

Неудивительно, что и приготовление ужина заканчивается моим поражением, настолько унижительным, что спасти ситуацию может только Арт. Скомкав фартук и бросив его на стол, я выхожу из кухни, но Шон останавливает меня, мягко взяв за руку. Оборачиваюсь и, дождавшись, пока он поднимет взгляд, говорю:

– Это не твоя вина.

Рид вздыхает и неожиданно прижимает меня к себе так крепко, что не вдохнуть, – но я и не пытаюсь вырваться. Под крепкой хваткой его широких ладоней все, что было выстроено между нами, рассыпается окончательно – но на этих руинах зарождается новое, что может стать началом хорошей дружбы.

– Мы найдем его, – уверяет Шон, и я закрываю глаза, разрешив себе надеяться.

...Если Ник сам когда-нибудь вообще захочет, чтобы его нашли...

Арта я нахожу в гостиной. Он сгорбился за компьютером и внимательно что-то читает.

– Знаю, что сегодня не твоя очередь готовить, но, – делаю длинную паузу, – кажется, спасти наш ужин больше некому.

Кавано поворачивает голову, и я уже готова к его привычному улыбающемуся взгляду, но вместо этого в глазах Артура – настороженность.

– Тебе надо это увидеть, – говорит он. Настороженность в его взгляде сменяется серьезностью – это настолько не свойственно Арту, что боль в висках вновь начинает пульсировать, словно предсказывая неладное.

– Что именно?

Я присаживаюсь рядом, прикидывая, насколько хуже обстоятельства еще могут стать – по сравнению с тем, что уже случилось. Арт вздыхает:

– Ты знала, что Джесс тайно тренировал Ника?

– Да, он же упоминал в дневнике.

– Кажется, Ник был не единственным, кого тщательно готовили.

Я внимательно смотрю в глаза Кавано, ожидая продолжения.

– В одной из папок я нашел записи о тренировках Тайлера. Ты в курсе, что, прежде чем попасть в Эдмундс, он сбежал из трех интернатов?

– Да, я читала об этом в письме.

– На самом деле меня заинтересовало кое-что еще. Тебе стоит на это взглянуть.

– О нет. Я не выдержу осознания, что разрушила еще чью-то жизнь. Тайлер из-за меня остался в Эдмундсе, значит, и погиб тоже из-за меня. К тому же, судя по дневнику Ника, я и сердце ему разбила.

– Боюсь, на этот раз ты ошибаешься.

Арт замолкает. А потом произносит так, словно пытается вложить в слова больше смысла и сожаления, чем может показаться:

– Он остался не потому, что встретил тебя. Он остался потому, что нашел Ника.

Корвус Коракс. Закрытые материалы

Материалы дела. Объект Кор-2. Тайлер Ламм

Расшифровка аудиозаписи консультации с психологом

– Здравствуй, Тайлер, как самочувствие? Рада видеть тебя.

– Валяйте уже, спрашивайте.

– О чем? Я думала, мы с тобой еще много лет назад договорились, что, если ты захочешь поделиться, расскажешь сам.

– Зачем тогда опять нужны эти встречи?

– Чтобы помочь тебе разобраться в себе.

– Думаете, получится?

– А как тебе кажется?

– Все равно ведь мне тут весь час торчать.

– Хорошо. Тогда начну я. Мне пришел рапорт из Африки. Ты очень храбро показал себя на последнем задании. Не хочешь поговорить об этом?

молчание

– Как твой напарник? Ник уже пришел в себя?

молчание

– Тайлер? Тайлер, стой! Остановите его кто-нибудь!.. Тайлер, мы же не закончили...

Приложение к личному делу 2004-109. Вырезки из ДНЕВНИКА

Объект Кор-2. Тайлер Ламм

...Ворота приюта Святого Стефана остались позади, как и все идиоты, живущие там. Почему эти недоумки никак не могут понять, что мне не нужна новая семья? Не нужен их кретинский приют. Никто не нужен.

Я шагал по дороге, чуть сгорбившись, чтобы не светить лицом на городских камерах. Капюшон на голове, черный рюкзак за плечами, эстакада под подошвами кед, и вот он – район, который я помнил.

На первый взгляд, здесь ничего не изменилось. Тот же мол слева, те же дома с подстриженными лужайками – для тех, кто побогаче, – справа, тот же ларек с мороженым, что и прежде, и даже тот же самый продавец улыбается такой же улыбкой. Но для меня этот мир навечно стал другим. А для этих людей не изменилось ничего. И я их за это ненавидел. Они продолжали жить, куда-то спешить, смеяться, а я словно застрял в пространстве между прошлым и настоящим. Ни туда, ни обратно. И нигде мне нет места. И никому до меня нет дела.

Засунув руку в карман толстовки, я проверил, на месте ли газета: пока она со мной, я не сойду с цепи. Пройдя еще квартал, я остановился и поднял глаза. Дом глядел на меня полуарками зажженных окон. О том, что год назад внутри произошел пожар, не напоминало ничего. Фасад перекрасили, выбитые рамы застеклили, даже лепнина, что той ночью сыпалась, словно каменный град, выглядела как новая. Дом снова стал прежним, таким, каким я запомнил его в день переезда. Только вот я сам прежним стать не мог. Вся моя жизнь сгорела за одну ночь, прямо в неразобранных коробках.

Я достал из кармана сложенную вчетверо пожелтевшую газету, открытую на развороте с пожаром, и едва сдержался, чтобы не смять ее в кулаке. *«Неосторожное обращение с огнем младшего из сыновей привело к трагической гибели известной в городе художницы»*. С фотографии на меня глядела вся его семья. Журналисты в статье выражали соболезнования, неравнодушные готовы были скинуться деньгами, только вот о моей маме и Лор – ни слова. Словно нас и не существовало, хотя квартира этажом выше, в которую мы въехали в тот день, сгорела

полностью. Люди, которых я любил, превратились в пепел. Но самое главное – даже воспоминания о них никто не стал хранить. Я мог умереть тогда – задохнуться в дыму, попасть под огонь. Мог погибнуть от голода, когда из приюта сбежал, – но я все еще жив. И эта мысль не давала покоя. Потому что смерть никого не отпускает просто так.

Я медленно поднялся по ступенькам. Пригладил ладонью волосы и позвонил в первую попавшуюся квартиру. Дело оставалось за малым – прикинуться другом младшего из Лавантов и узнать, куда они переехали. Вдох-выдох, улыбка на лицо. Стараться вести себя спокойнее.

Все получилось с третьей попытки. Пожилая женщина, живущая на одной площадке с погорельцами. Она позвала на чай, потом долго трепалась, но я покорно ждал и улыбался, иногда придумывал глупые истории из школьной жизни, «вспоминая» мнимую дружбу с Ником. Спустя полчаса она наконец выдала мне их новый адрес. В этот момент я подумал, что накопленных денег не хватит даже на билет. План созрел быстро. Я попросился в туалет и, пока хозяйка сидела в гостиной, обшарил карманы и вытащил из сумки кошелек.

На следующий день я несся сквозь Лондон во весь опор – меня искали. Полицейские сопоставили портрет вора с моей характеристикой из приюта, и теперь у меня на хвосте был весь чертов Скотланд-Ярд. Я прятался в подвалах, обходил стороной центральные улицы, залезал на крыши, чтобы переждать время до отправления поезда, но не учел, что старуха сообщит полицейским то, о чем я так усердно расспрашивал. Меня взяли на вокзале. Привезли куда-то в глушь и бросили в закрытой комнате.

«Военная академия? Вы уверены? Лучше уж Эдмундс, чем тюрьма», – услышал я по ту сторону двери. Спустя секунду она распахнулась, впуская высокого статного мужчину. Максфилд, черт бы его побрал, уже тогда вел себя нетипично. Вывел меня на улицу и оставил одного. Беглого преступника. Кто так делает вообще? Даже бежать расхотелось, ей-богу.

Единственная фраза, которую полковник мне тогда сказал: «С нами поедет моя дочь. Тронешь хоть пальцем – убью». И поэтому самое первое, что я сделал, оказавшись рядом с ней на заднем сидении машины, – взял за руку. На удивление, Виола не выдернула ладонь, а наоборот, так крепко схватила меня, что освободиться я смог бы разве что сломав себе запястье.

– Ну и куда мы теперь? – спросил я не без энтузиазма в голосе.

– Понятия не имею, – ответила она, упрямо глядя в окно.

Виола не задавала вопросы, не пялилась на меня с любопытством, не отшатнулась, брезгливо поморщившись. Словно мы были друзьями уже многие годы. По правде говоря, я не особо нуждался в друзьях, тем более таких. Да, ее присутствие было хоть и бесполезным, но приятным – она так напоминала мне Лор, что сопротивляться я не мог. Это потом меня на ней так переклинило, что не собрать, но сейчас не об этом.

Уже не в первый раз я покидал Лондон, но место, куда привез меня полковник, оказалось настолько не похожим на привычные мне приюты, что, вылезая из машины, я даже споткнулся, засмотревшись. Эдмундс напоминал средневековый замок. Тут же захотелось побродить по здешним каменным коридорам, заглянуть в подвалы. Наверняка и учиться здесь не так уныло. Я обернулся, чтоб поделиться восторгом с Виолой, но тут же одернул себя. Я здесь ненадолго. И так тонну времени потерял, пока мотался по детским домам. На пару недель пойдет – восстановит силы, подкопит денег, если найдется у кого отнять, – да и отправляться дальше. Нельзя сбиваться с цели.

– Шевелись, Ламм! – рявкнул полковник, и я поплёлся за ним.

Меня оформили на редкость быстро для таких мест. Конфисковали все вещи, выдали комплект казенной формы, грубые ботинки и туалетный набор, предупредив, что отныне я собственность Эдмундса. Черта с два, собственность! А потом отправили осваиваться, словно привезли в подростковый лагерь. Песни у костра распевать.

Я устало вздохнул, заранее предполагая, что и здесь придется отстаивать лидерство, – не привыкать, конечно, но это тебе не обычный приют для брошенок, – и поплелся искать спальню. Спустился вниз, прошел пару пустых залов, удивляясь, куда все подевались – в коридорах слонялись лишь единицы, – пока не услышал шум и голоса, становившиеся всё громче. Я подошел ближе. Из-за смеющейся толпы ничего толком было не разобрать, но уже через секунду мимо, чуть не сбив с ног, пронеслась дочка полковника. А потом меня буквально опрокинуло на лопатки всего одно слово.

– Лавант! – крикнул кто-то.

Второй расхохотался и присвистнул.

– Посмотри, как Ник ее осадил!

Чертов прекрасный Эдмундс! Разве бывают такие совпадения? Долгие месяцы я мечтал взглянуть ему в глаза. И вот он стоял напротив и ухмылялся. Тогда-то я и понял, что в жизни не бывает случайностей. Потому что смерть никого не отпускает просто так.

Раньше я ничего не знал о ней, теперь же стал ее орудием. Хотел я того или нет – она уже внутри, скулила, раздирая душу когтями. И пока я не выпущу ее на волю, мне не дадут жить дальше.

Оставалась только одна преграда, не позволяющая сделать то, что я задумал. Виола. От одного ее присутствия смерть успокаивалась, на время засыпала, как будто эта девчонка каким-то фантастическим образом влияла на нее.

Теплая, нежная, живая, а самое главное, только моя. Хотелось обнять ее и не отпускать ни на минуту, потому что только рядом с ней внутри затыгивалась желающая мести чернота. Хотелось рассказать ей обо всем – но я не мог. Потому что даже у Виолы не было ответа, как не сойти с ума в одиночестве. Как перестать задыхаться в закрытой комнате. Не вскакивать от каждого шелчка зажигалки.

Так прошло лето. Мне удавалось сохранять хладнокровие, пока Виола не уехала – и с того дня держать меня на плаву оказалось некому.

Второй отряд спал. Стрелки часов перевалили за полночь. Дежурный, по «удачному совпадению», отсутствовал. А я стоял с занесенным над горлом Ника ножом – его собственным проклятым ножом – и не мог сделать этого.

Неправильно. Всё должно быть не так!

По спине побежал холодный пот.

Он заслуживает смерти! Заслуживает!

Глупая слеза скатилась к подбородку, руки задрожали. Надо было уйти, сбежать, пока не поздно. Ну же, давай!

Голова раскалывалась так, словно ее засунули в чугунные тиски. Я смаргнул слезы, полностью застилавшие глаза. Снова посмотрел на нож в руке.

Я не смогу уйти, когда судьба сама умоляет отомстить!

Не смогу жить, зная, что отпустил его!

Я не смогу жить, зная, что убил его...

Позади послышался шорох. Сердце забило чаще. Я оглянулся, но никого не увидел. Снова поднял дрожащую руку и зажал рот рукавом второй. Опустил лезвие ниже к горлу Лаванта. Еще чуть-чуть... еще... Черт!

Нет. Не могу.

И я позорно сбежал, забился в угол, чтобы никого не видеть. Подтянув колени к груди, дрожал и глотал слезы, проклиная себя за слабость, как вдруг откуда ни возьмись появились два курсанта и, грубо подняв на ноги, подхватили под руки.

Вот и все. Конец. Наверняка дежурный меня заметил, и полиция уже на полпути сюда.

Меня тащили по коридору. Несколько раз толкнули в спину, заставляя идти быстрее. Потом впереди возникла лестница, и я недоверчиво поднял голову, не понимая, зачем меня ведут вверх. Ведь там располагался лишь один кабинет, и дорогу в него я уже и так успел выучить.

Хлопнув дверью, конвоиры слиняли, оставив меня один на один с человеком, которого я ненавидел чуть меньше, чем Лаванта. На полковнике не было привычной формы: вместо кителя – черный кардиган. Не горело верхнее освещение, и единственным его источником в кабинете оставалась настольная лампа, чей тусклый свет лишь раздражал глаза.

– Признаться, Тайлер, я уже и не надеялся, что ты проявишь себя, – сказал Фрэнк Максфилд и, улыбнувшись, закурил. Днем он себе такого не позволял.

Фраза прозвучала как обвинение. Я прикусил язык, решив молчать до последнего. Может, это и чересчур дерзко в моем положении – неважно. Я ничего не сделал. Так что повесить на меня ничего не выйдет.

– Значит, решил молчать? – Раскусить выражение моего лица полковнику не составило большого труда. – Хорошо. Надо признаться, твои познания в искусстве убийства поражают. Подушкой ведь – чище и эффективнее. Или ты так не считаешь?

В его глазах ни капли гнева. Скорее, немой вопрос: что это было? Я крепче стиснул зубы.

– Всегда подозревал, что этим его чертовым ножом Ника когда-нибудь и прирежут, – продолжал Максфилд, ухмыльнувшись, чем еще больше насторожил меня. Он медленно встал и налил себе чашку кофе. – Как было бы обидно. Нику всего тринадцать, а он уже один из лучших курсантов академии – и такой позорный конец.

К этому моменту меня уже переполняло накатившей злостью, кажется, она бы вот-вот полилась из ушей, – и я, не сдержавшись, выкрикнул:

– Это потому что его тренирует брат! Если бы вы это знали, то не стали бы его хвалить. Максфилд пожал плечами.

– Я это знаю, – совершенно спокойным тоном ответил он.

– Что? – мой голос сорвался на шепот. – Но это же нечестно!

От обиды снова разнылась голова.

– Вы заранее ставите его в неравные с другими условия. И прекрасно знаете, что у остальных при таком раскладе нет ни шанса. Да если б не Джесс, этот слабак и до середины таблицы не добрался бы.

– А ты у нас, значит, поборник честности?

Я, прищурившись, отвел взгляд. Ощетинился всем нутром, стараясь не поддаваться на провокацию.

– Разве не ты пришел целенаправленно убить, пока твой противник спит?

– Это не ваше дело. Моей семьи, – сквозь зубы процедил я. По щеке покатились слезы. Я быстро стер ее рукавом, пока полковник не увидел.

– Твоя семья мертва, Тай, – сурово произнес он. – И чем быстрее ты с этим смиришься, тем лучше.

Все именно так, как я предполагал. Вместо того чтобы помочь, он издевается над моим горем. Никто из них никогда не сможет меня понять! Никто не придет на помощь! А значит, остался единственный выход – снова бежать. Только бы выбраться отсюда, и уже никто меня не остановит.

– Я видел все ваши с Ником драки, – произнес полковник. – Не смотри на меня так. Кстати, ты отлично держишь удар. Где-то учился?

Я проигнорировал вопрос. Максфилд встал и, подойдя к секретеру, достал оттуда металлическую пепельницу.

– Неужели ты не подумал, что в Эдмундсе везде установлены камеры? После того как ты столько раз сбегал из интернатов, я ожидал от тебя большей сообразительности. Увы...

Я молча уставился на его пальцы, стряхивающие с сигареты пепел.

– Скажи только: что ты планировал делать дальше, после того как перерезал бы Нику горло? Надеюсь, понимаешь, что следующее место, где ты окажешься, – колония для несовершеннолетних?

– Плевать.

Полковник усмехнулся:

– Нет, Тай, тебе далеко не плевать. Будь тебе наплевать, ты бы не стал колебаться. – Он обошел стол и присел на его край. Днем такого поведения ни один работник академии не мог бы себе позволить ни за что в жизни. Я застыл, так, что даже ноги затекли. – Пока ты этого не осознаешь, поэтому просто захлопни рот и послушай. Знаешь, почему ты вчера проиграл? Ты ведь гораздо сильнее него.

Конечно же, я знал. Случайность. Мне не хватило техники. А может, просто везения.

– Да, Ник легче, и ему проще тебя обскакать, ударив там, где ты не ожидаешь, но дело не только в скорости.

Кажется, я даже перестал дышать, впитывая его слова, словно брошенная в воду губка.

– В нем ощетенной злобы столько, что хватит спалить это здание дважды. Ненависть – вот в чем сила, – произнес полковник. – В отличие от тебя, Ник это давно понял. И если ты готов повзрослеть и полюбить ту свою часть, что жаждет расправы, – будем считать, я ничего не видел. И если ты готов, – повторил он, – капитан Торн будет тренировать тебя так же, как Джесс тренирует Ника. Но...

– Я готов! – буквально выкрикнул я.

Лицо полковника дернулось. Кажется, он рассчитывал на более длительные уговоры.

– Я что угодно сделаю, – затараторил я, и сердце забилось словно отбойный молоток. – Ночами напролет буду тренироваться, только разрешите.

Максфилд вернулся за свой стол и, откинувшись в кресле, довольно сказал:

– Торн сам найдет тебя завтра. А теперь пошел вон!

Отдав честь, я пулей дернулся к двери.

– Да, Тай, – окликнул он. – Это была твоя последняя стычка с Ником.

– Но... – Я открыл рот, чтобы возразить, но тут же сглотнул так и не вырвавшиеся на свободу ругательства, крепко сжав кулаки.

– Я помню про твою семью, – добавил полковник. – И, когда тебе хватит смелости «опустить нож», я дам тебе такую возможность. Если ты сам все еще будешь этого хотеть...

Глава 2. Взрывы

В кофейне «На нашей кухне» сегодня свободно, хотя число посетителей здесь все равно никогда не превышает трех. Признаться, я ненавижу это место. Через два квартала есть настоящая французская пекарня, с деревянной мебелью, ласковым карамельным светом и самым вкусным в мире латте, – но мне там появляться запрещено. Ведь дома тоже есть кофеварка, а снаружи небезопасно. Поэтому я делаю глоток до невозможности отвратительного черного кофе, горького, как моя жизнь, и закусываю собственными губами.

На улице погано под стать настроению. Снег, липкий и мокрый, цепляется за окна и тут же тает, съезжая по стеклу скользкими комками. Даже вселенская жизнерадостность Арта, которую он старательно рассыпает повсюду, не спасает. А временами даже злит, ведь, что бы ни происходило, Кавано будто накрыт колпаком дзена и умиротворения, внутри которого слова «проблема» не существует в принципе, – в то время как я всегда остаюсь снаружи. Раздраженная и злая.

Шон меня понимает. Каждый раз, когда они вместе долго занимаются чем-нибудь, он возвращается усталый и выжатый, с притворной обреченностью жалуясь на шутки Арта, но какой-то... свободный. Будто сбрасывает с плеч груз, копившийся тысячи лет.

– Я не знаю, как Арт это делает, – однажды признался Шон. – Да, он чересчур эмоциональный, шумный, его всегда до колючей чесотки много. Но я ни разу не встречал таких как он. – Рид выдержал длинную паузу и добавил еле слышно: – А еще Ник доверял ему так, как никогда не доверял мне.

И как бы не было стыдно, но в этот момент внутри меня пускает крохотные корни мерзкая мысль, что Таю он тоже доверял.

– Передай разводной ключ.

– Что? А, да, сейчас. – Моргнув пару раз, я отвожу взгляд от окна и спускаюсь на пол. Выбираю тот инструмент, что ближе, и протягиваю Шону. Вернее, вкладываю в высунутую из-под столешницы ладонь, потому что под кухонным гарнитуром торчит только нижняя половина Рида.

– Ви, это плоскогубцы, – ворчит Шон.

– Ой, прости. Они все слишком похожи.

– Ну разумеется.

Шон сам нашаривает на полу нужный инструмент и снова скрывается под раковиной. Я стискиваю зубы и, вернувшись на свое место, обхватываю кружку обеими руками. Интересно, что именно означало это многозначительное «ну разумеется», третье за сегодняшнее утро? Снисходительность, проявление терпения или скрытую иронию над моими попытками помочь? Бывают дни, когда чувства Рида понять сложно.

В один из таких дней – я тогда лежала не вставая – Шон пришел ко мне в комнату. Как обычно, в вязаном свитере, от которого каждый бы уже, наверное, нервно исчезался, но не он. Сел на кровать и долго молчал, а потом произнес – не как вопрос, как утверждение:

– Это был он, да? – И отвел взгляд.

Это был он.

– Помнишь... – продолжил Шон. – Тогда в отеле, сразу после нашего побега, мы решили, что я командир?

Я кивнула. Шон сделал паузу, а потом принялся говорить все быстрее, будто торопился выдохнуть слова прежде, чем оборвать на полупhrазе – словно наказывая самого себя за излишнюю откровенность.

– Я с самого начала догадывался, что это не так. Знаешь, как это бывает? Лучший в любом деле: капитан школьной команды по регби – первый по успеваемости. Я просто не хотел смиряться. – Он замолк, а потом добавил еще тише: – А Ник просто позволял мне...

Задумавшись на секунду, я тогда впервые осознала: Шон тоже себя винит. Стало стыдно: я настолько погрязла в собственной жалости и попытках выбраться из бездны безысходности, что не заметила, как на его плечи тоже легла правда, от которой уже не спрятаться.

– Спасибо, – тихо ответила я, не уверенная, за что именно благодарю – за его непростую честность, за то, что поняла сама, а может, за еще одну протянутую меж нами нить, неуловимую, но важную.

Вот с тех пор я часто и думаю о том, что Шон морально старше любого из нас. И дело тут не в цифрах в паспорте.

– Если хочешь быть полезной, наведи порядок в ящике для инструментов, пожалуйста. Там бардак, – просит он, вырывая меня из раздумий.

Безропотно усевшись по-турецки на пол, я принимаюсь сортировать болты и гвозди – а может, и шурупы, бог их разберет. Это занятие довольно быстро надоедает, и я невольно отвлекаюсь – наблюдаю, как слабо помигивают лампочки, представляя, что это сам дом отторгает чуждое ему освещение. Ведь он живет в эпоху, когда электрические лампочки еще не придуманы. Когда я делюсь своим наблюдением с Шоном, он отвечает, мол, просто линия электропередач слабая, не выдерживает напряжения.

Теперь я понимаю, почему мы с ним никогда бы не смогли быть вместе.

– Двойной макиато с тремя пакетиками сахара и сливками, пожалуйста! Обезжиренными! – Арт входит на кухню, демонстративно запуская пальцы в волосы, постриженные чьей-то неумелой рукой. Скорее всего, его собственной.

– Сегодня в меню только один вид: вчерашний дерьмовый с мутной плёнкой.

Арт брезгливо морщится.

– Воды нет, – поясняю я.

Отбивая какой-то ритм костяшками пальцев, он пересекает кухню-гостиную. Включив телевизор на стене, приземляется на диван и принимается покачивать ногой – видимо, в такт тому же ритму, играющему в голове. Повисает молчание. Разбавляют его лишь позвякивание инструментов да бормотание ведущего новостей.

Решив, что никто не видит, Арт ковыряет в носу. Шон выбирается из-под раковины и принимается за сам кран. Рид, как обычно, собран, не отвлекается ни на что, кроме окна справа, выходящего на подъездную дорожку. «Кажется, у меня тоже выработался рефлекс каждые пять минут туда смотреть», – думаю я, в очередной раз перехватив мужской взгляд, скользящий по окнам кухни. А всё потому, что первое, что мы делаем, найдя очередной дом, – разрабатываем план побега из него. До секунд и нудных мелочей, чтобы даже в темноте каждый смог все сделать правильно.

– Все спокойно?

Этот вопрос давно обогнал уже банальный «Ты что-то вспомнил?», периодически уступая первенство разве что вечному «Чего бы пожевать?».

Шон пожимает плечами.

– Не стоит думать о плохом, а то так и до нервного срыва... – откликается Арт, но, не закончив фразу, тянется к пульту и прибавляет громкость. Я приподнимаюсь, опираясь на деревянный стул, гляжу на экран – и тотчас понимаю, что заинтересовало Кавано.

– В окрестностях Карлайла прогремел взрыв. По предварительным данным, атаке подвергся склад химических веществ, принадлежащий известной медицинской корпорации, – сосредоточенный голос ведущего пулей врывается в мысли, разнося их в пыль. – На прошлой неделе сообщалось о подрыве еще двух зданий той же компании. Никакие террористические или иные организации пока не заявляли о своей причастности.

Болты и шурупы высыпаются у меня из рук, раскатываясь по полу. Это он.

– Это он... – выдыхаю я, удивляясь, как глухо звучит собственный голос. – Господи... это... Нет. Нет.

Мог ли Ник сунуться в самое сердце Коракса? Бред. Вот только вариант с террористической атакой – еще бредовее. Пытаясь понять логику действий Ника, я прокручиваю в голове всевозможные варианты – но, даже окрепнув, они вязнут во рту, не в силах вырваться на свободу, не в силах прозвучать. Я знаю: стоит их произнести – и слова превратятся в нечто серьезное: в реальный план, в последовательность шагов, рискованность которых невозможно будет игнорировать, а ещё – в надежду. Вот только у разбитых надежд последствия куда более плачевные, чем у самых глубоких жизненных ран. Потому что когда обретаешь смысл, а потом снова теряешь, собрать себя заново уже практически невозможно.

– Почти уверена, что эти взрывы – не случайность. Мне кажется, это Ник.

– Что? – откликается из кухни Шон, бросив кран на произвол судьбы. Арт замирает с пультом в руках, присев на подлокотник дивана. Чувствую, парни начинают нервничать – внутри меня скручивается огромный разноцветный клубок эмоций, непонятно – своих ли, чужих; за какую нитку не тяни – неясно, чья она. Управлять ими я не могу – как тысячетонный груз, они тянут мой рассудок ко дну. – Но как он сумел вычислить расположение лабораторий, если диск с информацией у нас?

И тут меня осеняет.

– Газеты, – шепчу я, поднимаясь с пола. – Он идет по адресам, что мы нашли в почтовом ящике. Газетные вырезки. Там целая куча всего. Ник догадался, что Тайлер собирал их не просто так.

– Хочешь сказать, он намеренно уничтожает все, что каким-либо образом связано с Кораксом? Ты серьезно?

– Абсолютно. Только не знаю зачем. Может, он что-то ищет?

– Или кого-то? – предполагает Шон. – По крайней мере, теперь мы знаем, что он жив. И где-то недалеко от Карлайла.

– Неужели нельзя было взорвать что-то подальше от папаши Максфилда? Снова чертов Карлайл! – причитает Арт.

– А вдруг он пытается отвлечь внимание на себя? – шепчу я. – Судя по взрывам, Ник движется на север, словно уводит отца подальше от нас.

– Но в таком случае, если он продолжит...

Договаривать Арту нет нужды – я и сама знаю ответ: Ник станет первой мишенью Коракса.

Я прислоняюсь к стене и закрываю глаза, стараясь прогнать из головы картины: вот его хватают, заламывают руки за спину, швыряют на бетонный пол. Стоит лишь вообразить, что отец пойдет по следу Ника, – тут же вижу его избитого, искалеченного... Думать об этом невыносимо, но шепот в голове настаивает: ты знаешь, что именно так он бы и поступил. Знаешь, что ему плевать на последствия.

– Ты в порядке? – Шон касается моего плеча.

– Значит, все-таки чертов Карлайл? – повторяет Арт.

Глубоко вдохнув, я возвращаюсь взглядом к Шону. Он ничего не говорит, но смотрит напряженно, не пытаясь скрыть беспокойства.

– Я тоже думал об этом, – говорит Рид. – У нас осталось по крайней мере одно незавершенное дело. В том же городе.

Мы с Артом молча глядим на него. Губы горят – я искусила их до крови.

– Найти девчонку и забрать у нее пароль от файлов Третьей лаборатории, – поясняет Шон.

Лицо Арта вытягивается от удивления.

– Ой, да брось. Пароль на тех файлах любой компьютерный гик вскрыет за пару дней. И не нужно тащиться в самое пекло. На кой черт тебе девчонка сдалась?

Шон смеряет его красноречивым взглядом, но терпеливо объясняет:

– Ник дал ей слово. Значит, мы обязаны сдержать его.

Арт тяжело вздыхает и падает обратно на диван безвольным мешком.

– Почему всегда мы?

– Я бы тоже хотела помочь...

– Хорошо. – Шон кивает, но его плечи едва уловимо напрягаются, подсказывая, что в глубине души он со мной не согласен. – Выезжаем завтра утром, так что лучше бы собраться заранее, – добавляет он и выходит из комнаты.

Арт медленно встает и идет следом, а я съезжаю по стене под аккомпанемент скрипа закрывающейся двери. И только когда шаги в коридоре стихают, наконец разрешаю себе вдохнуть, всеми силами стараясь унять бешено колотящееся сердце. Потому что впервые за последние четыре недели уверена: мы как никогда близко.

Ночь длится бесконечно. В груди ворочаются сомнения, что вся эта поездка – не такая уж хорошая идея, как казалось изначально. Поэтому никто и не спит – серыми тенями бродя по дому, скрипя половицами и погружаясь в собственные мысли.

До рассвета еще несколько часов. Я лежу в мерцающей темноте и смотрю в окно, за которым медленно сыпется снег. Боюсь пошевелиться, чтобы не спугнуть дремоту, – но ожидание утра с каждой минутой становится все тревожнее. Наконец сон окончательно тает, я встаю с постели и медленно крадусь по коридору. Босые ноги овеивает ночной прохладой. Длинная тень скользит по полу, ломается и сгибается, столкнувшись со стенами, а потом и вовсе пропадает в зияющей пустоте дверного проема. Комната парней не закрывается. Не потому что они опасаются внезапного нападения – двери попросту нет. Как нет и кроватей. По два сдвинутых матраса у противоположных стен – вот и вся обстановка. Я опускаюсь с краю на один из них, опираюсь спиной на стену. Арт подвигается, освобождая мне место, и накидывает на голые ступни одеяло, разделяя общее тепло на двоих. Наверняка гадает, что я забыла у них в четыре утра, но не спрашивает.

Тревожный шепот в голове потихоньку умолкает, напряженные мышцы расслабляются, потому что ожидать неизбежного вместе уже не так страшно. Скоро наступит завтра, в котором я стойко буду делать вид, что не слабее и не трусливее парней. Но это всё – завтра. А сегодня, в темноте холодной комнаты, я еще могу отчаянно цепляться за укрывающее меня одеяло, чувствовать плечо рядом и немножко бояться.

– Внизу осталось печенье. Может, чаю? – наклонившись к моему уху, шепчет Артур. Тепло его одеяла согревает мои холодные ступни, и, чтобы побыстрее разогнать кровь, я аккуратно потираю их друг о друга.

– Звучит здорово. Только вылезать не хочется. Может, сбегаешь?

Глаза Арта загораются детским восторгом, а улыбка светит во тьме, словно лампочка. Скрипя матрасом, он откидывает одеяло и опускает ноги на пол, как вдруг у противоположной стены раздается сонный голос Шона.

– Эй, – шепчет он. – Вы там что, пикник посреди ночи устроить собираетесь?

– Нет, спи, – шипит Арт и забирается обратно, прикладывая палец к губам, чтобы я молчала. Снова наступает тишина. Но ненадолго. – Может, в карты? – спустя две минуты предлагает Кавано. На его предложение снова отзывается Шон.

– Я не пойму – что, никому, кроме меня, сон не нужен? – возмущается он, поворачивается и привстает, опираясь на локоть.

– Не спится. Как будто сама ночь против нас что-то замышляет. Не нравится она мне, – шепчет Арт, и я киваю, полностью с ним соглашаясь. С момента «пробуждения» в поезде вряд ли была хоть одна ночь, которая бы мне понравилась. Возможно, были ночи, которые я любила, но они остались «по ту сторону», я их не помню. – Словно что-то готовится. Не очень хорошее.

– Как минимум, мы собираемся вломиться в самую защищенную лабораторию страны. Куда уж хуже? – иронизирую я. Слова произносятся удивительно легко, словно я давно смирилась с обстоятельствами, как осужденный на казнь – с собственной долей. – Интересно, если нас поймают, на месте пристрелят или будут долго и мучительно пытаться?

– Зная твоего отца, думаю, второе, – бормочет Арт. – Надо будет с утра ногти подстричь покороче. На всякий случай.

Шон переворачивается к нам лицом.

– Может, хватит давить на психику?

– Да я даже не начинал, – отмахивается Арт. – Это называется сарказм, Рид. Помогает сделать ситуацию менее пугающей. Попробуй. А еще эта книга, что Виола притащила... Говорил я, не стоит читать на ночь. Теперь точно будут сниться собачьи черепа, зарытые в жертвенные могильники.

– Раз не нравилось, зачем читал?

– Не спалось. Думал, книжка поможет. Всегда помогала. Только открыл – тут же заснул. Так дальше второй страницы ни разу не продвинулся.

– А мне помогает, – шепчу тихо, чтобы не потревожить Шона. – Каждый день читаю до середины ночи, пока книга сама не вывалится из рук. Лишь бы... – Я прикрываю глаза, делаю глубокий вдох, и обнимаю себя руками, пряча ото всех сердце, воющее и тоскующее по тому, кого нет. Тихо договариваю: – Лишь бы не видеть снов.

– Он тебе снится? – спрашивает Арт, явно стараясь вложить в вопрос всю тактичность, которую может в себе найти. – Слышал, как ты разговаривала... с ним, – оправдывается он, принимаясь ковырять угол одеяла. Я вздыхаю.

– Это порочный круг, который я не могу разорвать, – признаюсь я. – Зависимость – не самый плохой вариант, хотя и мучительный. Мне кажется, что даже он от меня устал, но избавиться друг от друга мы не в состоянии.

Арт ничего на это не отвечает, но подставляет знакомое плечо.

– Все наладится.

– Как ты можешь оставаться таким спокойным? Твой лучший друг свалил в закат и неизвестно, жив ли вообще, а тебе будто и дела нет.

Арт пожимает плечами:

– Не знаю, что тут сказать. Я всегда был таким. По крайней мере, если верить записям в моем дневнике. Прикинь, я назвал его «Бортовой журнал». Тупо, правда?

– Бортовой журнал? – Я улыбаюсь. – По-моему, «черный ящик» звучит убедительнее. Особенно в нашей ситуации.

– Ты, кстати, знала, что я с пятнадцати лет в аэроклуб записан? – спрашивает он. Отрицательно качаю головой. – Я тоже не знал. После выпуска в Академию военно-воздушных сил собирался. Детка, да я последний романтик, оказывается. У меня даже первый прыжок с парашютом записан, – ухмыляется он уголком рта. – Хотел сделать эффектное сальто, но не учел вес рюкзака и поэтому вывалился из самолета головой вниз, как мешок. Наверняка, по приземлении мне от командира досталось, но соблазн всегда был сильнее меня.

– И сейчас сильнее, – подтверждаю я.

– Только он и не дает мне терять жизнелюбия.

– Иногда до чертиков раздражающего.

– Зато успокаивающего.

– Надоедливого. – Я прикусываю щеку изнутри, чтобы заглушить порыв смеха. Артур пихает меня плечом, а я пытаюсь от него отмахнуться. – Ты наглый хитрец, а не последний романтик.

– Боже, с вами невозможно, – снова откликается Шон. – На правах временного командира я все еще имею право на всех наорать и уложить насильно?

– Не поминай имя господи всуе, – шипит Арт, тыча в его сторону пальцем. – Пожил бы с моей теткой, знал бы!

Смеяться – это последнее, что стоит делать в нашем положении, но я не могу сдержаться глупой улыбкой.

– Вот оно! Ты наконец повеселела... – говорит Арт.

– Как я от вас устал, – обреченно стонет Шон и уходит вниз – наверняка за чаем, ведь у самых дверей я успеваю разглядеть на его лице улыбку.

Светлеющее небо еще забрызгано ледяными звездами. Здесь, у самой границы мира, они яркие как никогда. Обняв себя руками, выдыхаю все переживания в уходящую ночь, оставляю их дому – и океану. За его линией уже разгорается солнце – пускает по сторонам полупрозрачные лучи-прожекторы и медленно растворяет темноту.

Шон грузит в машину сумки. Арт, стараясь помочь, всеми силами ему мешает, отчего с крыльца доносятся веселые смешки вперемешку с приглушенным ворчанием. Дверь закрывается с тихим хлопком, я убираю ключ в карман и наклоняюсь зашнуровать ботинки, как вдруг вижу торчащий из-под снега кустик. Приседаю и протягиваю руку, освобождая лепестки от сухих листьев. Фиалка. Цветок, в честь которого меня назвали. Я касаюсь бархатных листиков, удивляясь, как упрямо они тянутся вверх, прорываясь сквозь острые кромки льда. Их так легко сломать, растоптать, не заметив, тяжелыми ботинками, забыть среди прошлогодней листвы, словно что-то ненужное, – но разве возможно сдержать силу, которая заложена природой?

Я прикрываю на секунду глаза и улыбаюсь, застигнутая этим пониманием врасплох, так что даже вдохнуть забываю. Позволяю ему медленно прорасти внутри, пуская корни в самое сердце, до искрящейся боли – но боль эта кажется почти благословением, потому что наконец-то пробиваются первые ростки уверенности: что бы ни случилось, я его найду.

Корвус Коракас. Закрытые материалы

Копия почтовой переписки. Эдмундс. 15 октября 2008

КОМУ: Фрэнк МАКСФИЛД <MaxfieldFrank@corvuscorax.com>

ДАТА: Вторник, 15 октября 2008 2:02 PM

ОТ КОГО: Альфред ТОРН <ThornAlfred@corvuscorax.com>

ТЕМА: Тайлер Ламм – психопортрет

ОБЩАЯ КАРТИНА

Объект успешно интегрирован в группу №1. Приняли его сразу. Ламм быстро завел в отряде собственные порядки и занял доминирующую позицию.

Выявлены трудности с соблюдением распорядка. Объект импульсивен, часто делает то, что сам считает нужным, игнорируя правила. Демонстрирует симптомы посттравматического расстройства: кошмары, внезапный крик по ночам, открытую агрессию при попытках разговора о погибшей семье. Враждебность проявляется в основном в отношении воспитателей и курсантов группы №2.

ВЫВОД

На данный момент является одним из самых физически и психологически перспективных вариантов для проекта «Корвус Коракас».

КОМУ: Альфред ТОРН <ThornAlfred@corvuscorax.com>

ДАТА: Вторник, 15 октября 2008 4:08 PM

ОТ КОГО: Фрэнк МАКСФИЛД <MaxfieldFrank@corvuscorax.com>

ТЕМА: Re: Тайлер Ламм – психопортрет

Зачисление Ламма в кандидаты на основную пятерку проекта утверждаю. Подготовьте распоряжение.

Альфред, что с Ником? Лаборатория прислала его характеристику?

КОМУ: Фрэнк МАКСФИЛД <MaxfieldFrank@corvuscorax.com>

ДАТА: Вторник, 15 октября 2008 4:15 PM

ОТ КОГО: Альфред ТОРН <ThornAlfred@corvuscorax.com>

ТЕМА: Re: Re: Тайлер Ламм – психопортрет

Да, люди Хейза вчера скинули.

Психопортрет, составленный сотрудниками Третьей лаборатории, прилагаю ниже.

ОБЪЕКТ НАБЛЮДЕНИЯ: Николас Лавант, экспериментальная группа №2

ОБЩАЯ КАРТИНА

Стиль общения в группе – с ориентацией на собеседника, разговаривает мало, мимика и пантомимика выражены слабо. Закрытый. Агрессию проявляет редко; часто использует иронию. В спорах и конфликтах всегда занимает собственную позицию, даже если она заведомо провальная. Не старается завоевать внимание и уважение сильных и старших. Не стремится к доминантности, при этом оставаясь негласным лидером. Прямых столкновений избегает, грубую силу использует только в крайних случаях.

ВЫВОД

Рекомендована вторая очередь проекта.

P.S. Фрэнк, я предлагаю вместо него рассмотреть Рида.

КОМУ: Альфред ТОРН <ThornAlfred@corvuscorax.com>

ДАТА: Вторник, 15 октября 2008 5:28 PM

ОТ КОГО: Фрэнк МАКСФИЛД <MaxfieldFrank@corvuscorax.com>

ТЕМА: Re: Re: Re: Тайлер Ламм – психопортрет

Альфред, еще со времен учебы в академии я понял, что наблюдательность – не твоя сильная сторона. Рид – хороший солдат, но не для этого проекта. А Ник – он просто водит всех за нос. И, признаться, мне это нравится.

Посмотри записи с наружных камер за 11 октября. Сдавали кросс. Сначала Лавант движется в первой пятерке, но ближе к финишу, когда разрыв между парнями увеличивается, вперед выходят двое – Ник и Артур. Они бегут бок о бок почти до финиша, но буквально за сотню метров Ник начинает притормаживать. Кто пришел первым? Артур.

Обрати внимание: в дисциплинах, которые ему не по душе, Ник прикрывается Ридом. Вроде и впереди держится, но не прям на виду. Он старается не светиться, но всегда поворачивает ситуацию так, как выгодно ему. Ник – стратег и очень грамотно занял позицию серого кардинала. Только пора с этим кончать.

Ознакомься вот, Сорен вчера прислал.

Обзор камеры видеонаблюдения

1 октября 2008

Подготовлен младшим лейтенантом О. Сореном

Место наблюдения – казарма группы №2

Объект наблюдения – курсант Николас Лавант, личный номер 7212-2008-02

Начало наблюдения – 21:00 PM. Камера 546W

Группа готовится ко сну. Объект держится в середине группы, потом занимает свое место на кровати снизу.

В 01:15 AM объект встает с постели и, не замеченный дежурным, направляется в сторону душевых. Переключение на камеру 524W.

Объект заходит в третью кабинку. Встав между стен, разделяющих душевую на сектора, подпрыгивает, упираясь руками и ногами в каменную кладку, и, словно паук, поднимается наверх. Высота помещения составляет три метра сорок сантиметров. Зацепившись за решетку в потолке, подтягивается, отодвигает соседний люк и влезает внутрь.

Дальнейшие перемещения объекта не могут быть задокументированы, потому что в скрытых коридорах замка видеонаблюдение не установлено.

Спустя пятнадцать минут объект фиксируется камерой 587E в восточном крыле, где располагается казарма отряда №1. Там он накрывает половой тряпкой центральную камеру. Дальнейшие действия не фиксируются.

В казарму объект возвращается в 01:52, проделывая те же махинации с решеткой.

Конец записи

Это случилось перед парадным строем. Надо ли говорить, что все утюги в первой наутро оказались с перерезанными шнурами? И так как дежурный подтвердил, что в казарме ночью никто не появлялся, инцидент сочли вандализмом. В итоге первая группа оказалась к смуту не готова и была наказана. Ник себя не выдал.

Занятно, что за пару дней до этого с подачи Тайлера несколько членов первой группы напали на лидеров второй: подкараулили Артура Кавано в душевой и избили. Второй отряд, под негласным командованием Ника, инциденту вида не придал, но зато парень, как видишь, разобрался самостоятельно.

P.S. Мне нравится, как прямота и линейность Тайлера компенсируются изворотливостью и хитростью Ника. Я бы поставил их в напарники.

КОМУ: Фрэнк МАКСФИЛД <MaxfieldFrank@corvuscorax.com>

ДАТА: Среда, 16 октября 2008 9:14 AM

ОТ КОГО: Альфред ТОРН <ThornAlfred@corvuscorax.com>

ТЕМА: Re: Re: Re: Re: Тайлер Ламм – психопортрет

Как ответственный за подготовку Ламма, заявляю: Тайлер не сможет работать с Ником. Он сорвется. По крайней мере пока им стоит оставаться на расстоянии.

КОМУ: Альфред ТОРН <ThornAlfred@corvuscorax.com>

ДАТА: Среда, 16 октября 2008 11:44 AM

ОТ КОГО: Фрэнк МАКСФИЛД <MaxfieldFrank@corvuscorax.com>

ТЕМА: Re: Re: Re: Re: Re: Тайлер Ламм – Психопортрет

Это мы еще посмотрим.

Глава 3. Лаборатория

Тяжелые капли разбиваются о лобовое стекло и скатываются вниз дрожащими кляксами. Как обычно по утрам, дорогу застилает туман. Внутри автомобиля воняет перегаром и табаком – упаковки от сигарет так и валяются небрежно на приборной панели. Бывший владелец явно не был сторонником здорового образа жизни, и, если бы не Артур, выливший на себя по меньшей мере литр ментолового шампуня, пришлось бы зажимать нос. Хотя и от Кавано разит виски, но в учет грехов это не принимается – пил он по делу.

Я благодарна, что никто из парней не пытается со мной разговаривать. Арт просто громче включает радио, и мне почти физически больно видеть, сколько усилий приходится ему прилагать, чтоб молчать, – потому что детали прошедшей ночи так и рвутся из него обрывками фраз.

Приближающийся знак информирует, что мы пересекаем границу города, а значит, до места назначения осталось минут десять. С каждой милей волнение становится все осязаемей. Арт постукивает пальцами по стеклу. Руки Шона так крепко сжимают руль, что еще чуть больше силы – и он того и гляди треснет. Я вытаскиваю из сумки телефон – в очередной раз проверить время. Половина девятого утра, все по плану. Пропущенных вызовов нет. Неизвестно зачем, но каждый день, засыпая и просыпаясь, я проверяю мобильный, надеясь, что случится чудо и на экране появится сообщение со значком «Предатель». Переименовать его я так и не смогла. Удалить номер – тем более.

Но чуда не случается.

Шон останавливает машину, и мы выходим.

Третья лаборатория превосходит размерами все здания Коракса, что я видела прежде. Размах ее проектирования поражает – и вселяет надежду, что внутри такой громадины легко затеряться. Но все восторги тут же меркнут, стоит лишь взглянуть на защиту здания. Камеры по периметру, забор под напряжением, охранная сигнализация на дверях и кодовые замки, автоматически запирающиеся при одной лишь попытке взлома. Да, Нику как-то удавалось попасть внутрь, – но у нас нет ни его шпионских навыков, ни водительства и подсказок Рейвен, так что вламываться туда тайно для нас равносильно прогулке по стрельбищу с картонной мишенью на спине. Поэтому решено было идти днем. Через парадные ворота.

Наш план прост. Никто не ожидает беглецов там, откуда они едва унесли ноги. По традиции от преступников ждут интриг, запутанных схем и хитрых ловушек, – мы решили не оправдывать надежд. А по правде, заковыристые планы просто некому придумывать.

– Арт все время будет на связи. Если понадобится помощь – зови, – говорит Шон, вкладывая в мою руку ключи от машины. – Времени у тебя не много. Чем быстрее все сделаешь и вернешься, тем лучше.

Я киваю.

– Ты как? – осторожно уточняет он и прячет взгляд под светлыми ресницами.

Шон был против моего участия, но время не на нашей стороне, так что ему пришлось смириться. Я хочу ответить, что не волнуюсь, но язык присыхает к небу, – поэтому молчажимаю плечами и прячу связку в карман.

– Ну, с богом, детки. – Артур хлопает меня по плечу и растворяется в толпе. Шон скрывается в противоположном направлении. Я поправляю парик, поглубже записывая крошечный наушник в ухо, и перекидываю через шею ленту с магнитным пропуском на имя Блэйк Донахью. Сама же Блэйк, благодаря ловкости и природному шарму Артура, будет видеть чудесные сны минимум до вечера. А потом? А потом – хоть апокалипсис; главное, чтобы нас не было в радиусе мили от этого проклятого места.

Я останавливаюсь у входа, вежливо пропуская вперед немолодую женщину в точно такой же белоснежной форме, как у меня. Жду, пока она сверкнет пропуском, приложив его к ска-

неру, и повторяю за ней. Красная лампочка вспыхивает зеленым. Охранник лениво переводит взгляд на следующего, проходящего через ворота. В этой лаборатории меня не знают. Это красноречиво подтверждают равнодушные взгляды людей, спешащих на работу.

Вливаюсь в жужжащий, словно улей, поток сотрудников. Водоворот слов втягивает то в совершенно обыденные беседы вроде жалоб на усталость и неоплаченные выходные, то в пестрящие обилием неизвестных слов споры и обсуждения. Я буквально кожей ощущаю присутствие каждого из этих людей, и после стольких недель отшельничества мне больше всего хочется убраться от них подальше. Наконец отделившись от толпы и уверенно двинувшись по длинному коридору, снова прокручиваю в голове утренние наставления Шона, мысленно улыбаясь. Пока он, не упуская ни одной детали, добрался до момента отключения электрозащиты, Арт успел дважды позавтракать.

«Через полчаса после начала смены двое охранников устроят обход, на пункте наблюдения останется лишь диспетчер. Именно его и возьмет на себя Арт – попытается нагло вломиться в северный корпус. Оставшийся на посту решит проверить, почему сработала сигнализация и твоя задача – в этот момент незаметно проникнуть внутрь пункта управления и выключить защитную систему периметра, чтобы я смог попасть в здание. Дальше я займусь камерами и техникой сам. Арт вырубит охрану. Твое участие на этом заканчивается! Повторяю: заканчивается! Уходишь тем же способом, каким пришла, – через главные ворота».

Отсеки тянутся так далеко, что, кажется, нет им конца и края. Десятки коридоров, уже и шире, кончаются всегда одинаково – раздвигающимися стеклянными дверьми, за которыми плетется новая паутина ходов. Персонал редет, всасываясь в кабинеты, а я шагаю дальше, пытаюсь не забыть план здания с отмеченным путем к комнате 360-В. Боже, храни настенные указатели!

– Я на месте, – докладывает в наушник Арт как раз в тот момент, когда из-за угла, едва не наткнувшись на меня, выворачивает охрана.

– И тебе хорошего дня, Агнес, – обернувшись, машу я женщине, скрывшейся в комнате с номером 334. – Увидимся вечером.

Первое правило выживания в неизвестной тебе среде – притвориться ее частью. Понятия не имею, откуда я это знаю, но, судя по всему, оно работает. Секьюрити плечом к плечу, как дворцовая охрана, шагают мимо, не удостоив меня даже взглядом, и я выдыхаю.

– Из тебя выйдет шикарный шпион, прием, – раздается в ухе нагловатый голос и обрывается шипением.

– Отстань, ты нас выдашь, – шепчу я, вытирая потные руки о подол халата.

– После каждой фразы по протоколу положено говорить «Прием», прием.

– К черту твой «Прием», прием.

– Узнаю свою девочку. – Артур на том конце довольно ухмыляется, и связь обрывается. Удивительно, но он в точности повторяет собственную сказанную когда-то фразу, прочитанную мной в дневнике Ника. Я с помощью пропуска миную еще один отсек. Приходится сделать крюк по коридору, чтобы найти нужную дверь, но, как только собираюсь постучать, она открывается сама и оттуда выкатывается усатый мужчина. Отпрыгиваю назад.

– Там в коридоре кто-то кричал, – нахожусь я, показывая в ту сторону, где активно «работает» Артур.

– Охрана разберется. Возвращайтесь на свое рабочее место, мисс.

Я медлю, пытаюсь сориентироваться, куда идти. Вдруг в кабинете за его спиной загорается одна из лампочек. «Несанкционированное вторжение», – дважды произносит механический голос. Охранник тянется к рации на поясе.

– Стивенс, Маршал, прием. Северное крыло. Сработала сигнализация.

– И мистер Максфилд так не вовремя приехал! – охаю я.

– Полковник Максфилд здесь?

Здоровяк белеет – внезапно и неожиданно, словно вся кровь в его теле вмиг стекает в ноги.

– Да, я сама видела. Только что, – уверенно вру я. Дежурный оглядывается.

– Мы в противоположной части комплекса, – шипит рация.

– Черт! Надо бы северные ворота проверить.

– Я тоже так думаю, – поддакиваю сама не зная зачем.

– Мы закончим обход и вернемся.

– Лишь бы Максфилд вас не опередил, – бубню я себе под нос. – Надеюсь, просто электроника неисправна. Хорошего дня.

Охранник еще секунду медлит, но потом все же топает в сторону северных ворот. А я успеваю придержать дверь до того, как она захлопнется. Внутри темно, панель управления освещена только экраном. Я застываю, рассматривая кнопки, рычаги и мониторы – рядами справа и слева, вверху и внизу: кажется, им тут нет числа. Внутри поднимается паника.

– Вот же черт, Шон! То, что не надо, ты вываливал на нас с Артом тоннами, а о самом важном – где эта проклятая кнопка – не сказал!

Времени совсем мало, и я бросаюсь к панели, пытаюсь прочесть надписи под кнопками.

– Давай же, давай, ну где ты? – громко шепчу я, как вдруг дверь за спиной открывается и чужой голос произносит:

– Виола?

Все внутренности подпрыгивают и с гулким хлопком падают вниз. Я сглатываю и медленно разворачиваюсь. В проходе стоит человек. Мужчина.

«Только не выдавать себя... Только не выдавать!»

Он подходит ближе, свет падает на его лицо. На вид не меньше сорока, ростом куда ниже местных военных. Волосы темные, глаза водянистые, глубоко посаженные, – в сочетании с широким носом они придают ему сходство с ястребом. Бросаю взгляд на погоны: майор.

– Блэйк. – Одеревенев от страха, я хватаюсь за висящий на шее пропуск, как за кольцо парашюта. – Меня зовут Блэйк, сэр. Вы ошиблись.

– Не валяй дурака, – говорит он, закрывая за собой дверь. – Ты меня не помнишь, верно?

Майор умолкает, продолжая пристально меня разглядывать. Ни один из нас не шевелится.

– Тебе нужны те, что справа. Под пластиковым колпаком.

Такого я не ожидала.

– Что? – Мой голос похож на мышинный писк.

– Вряд ли ты явилась сюда в одиночку. А парни наверняка пойдут в обход, ведь персонал их знает. Электрическая защита, я прав? Ты ведь ее ищешь?

Я неуверенно киваю.

– Третий ряд снизу. Справа. Под пластиковым колпаком, – повторяет он.

– Как вы узнали?..

Майор поднимает голову.

– Поверь мне, Виола, я знаю тебя очень давно. Практически с рождения.

Осмелившись, я делаю пару шагов вперед и, разглядывая его щербатое лицо, прищуриваюсь.

– Альфред Торн, полагаю?

Незнакомец едва заметно улыбается. Ответа я, разумеется, не получаю.

– Ты меня здесь не видела, – говорит он и выходит из кабинета.

Становится тихо. Я прислушиваюсь к шагам, но комнату окутывает только жужжание проводов, создающее фальшивую иллюзию безопасности. Опускаю глаза и замечаю, что все еще обеими руками цепляюсь за пропуск. Что бы поведение Торна не значило, лучше не думать об этом. По крайней мере пока не выберусь. Я выключаю защитное поле, опускаю обратно

колпак, собираясь уйти поскорей, – но медлю. В голову приходит совершенно безумная мысль. Учитывая обстоятельства, сейчас меня должен волновать только один вопрос – «Где выход?», – но я не могу не думать, что ключ к произошедшему в день побега – совсем рядом. Только руку протяни...

Я прикусываю губу и оглядываюсь на дверь, будто ожидая чьего-то одобрения. Сверяюсь с часами. Ничего ведь не случится, если я задержусь всего на пару минут? Все равно парни должны выйти позже, мне придется ждать их в машине. Спертый запах и шипение мониторов давят на психику – но если не посмотрю сейчас, возможно, не узнаю никогда. И я устремляюсь к компьютеру. Глаза поочередно выхватывают названия документов, пока не останавливаются на папке «Камеры наблюдения: декабрь». Я дважды щелкаю на дату побега. Значок загрузки начинает вращаться. Мое дыхание ускоряется, а волнение наполняет до кончиков волос. Еще секунда ожидания, и лопну.

Около десятка экранов загораются одновременно. Центральный холл, двор, палаты, кабинет кого-то из руководителей, километры коридоров, еще и еще. Включив перемотку, я перепрыгиваю от одного экрана к другому, пока взгляд не цепляется за знакомый угловатый силуэт. В животе медленно стягивается узел.

Ник стоит в центре комнаты, засунув руки в карманы. Рядом жметесь щуплый парнишка с выбритым виском и стянутым на затылке крошечным хвостом, совсем молодой; судя по всему, доктор или лаборант – на плечи его накинута белая халат. Не меньше двух десятков парней вокруг чего-то ждут – прислонившись к стенам, развалившись в креслах и на подоконниках.

Пишут ли камеры звук? Я щелкаю по вкладкам, пытаюсь отыскать в настройках громкость.

– Главное, не паникуйте, – из крошечного динамика на панели раздается знакомый голос, и я поднимаю голову. Вот уже месяц, как я слышала его в последний раз, – но меня все равно резко бросает в жар, потому что здесь, в тесноте комнатки, кажется, будто Ник совсем рядом. Его голос, чуть хриловатый, лениво растягивающий гласные, ни с чьим другим не спутаешь. – Заранее приготовьте коммуникаторы, в которых ведете дневники, и записи, любые подсказки, которые помогут вам не растеряться в первые минуты после внедрения Эхо в нервную систему. У вас будет почти час, чтобы подготовиться. Если сделаете все верно, ничего ужасного не случится.

– Ничего, кроме потери собственной памяти, – хохмит один из курсантов – тощий, большеватый и какой-то неопрятный, в растянутом спортивном костюме.

– Спустя полтора часа ты не будешь даже в половину таким остроумным, Стив.

Ребята хохочут. Сидящий в кресле Шон хмурится. Арт отрывается от вытягивания ниток из собственного свитера и с любопытством поднимает голову.

– Эндрю слышал разговор медиков. – Один солдат толкает другого локтем. – Поговаривают, вся эта затея с потерей памяти – никакая не побочка, а идея полковника.

– Да Эндрю трясется от страха, как девчонка, вот и мелет бред!

Арту хрюкает – о-о-очень выразительно.

– Всем заткнуться! – рявкает Ник, пресекая болтовню. – Первая пятерка заходит через полчаса.

Парни хаотично разбредаются по помещению, как раскатившиеся по бильярдному сукну шары. Хлопает дверь. Стучат каблуки. В комнату входит девушка с подносом в руках и начинает сервировать на небольшом столике закуски и кофе. Закончив, уходит, затем вновь возвращается, напрягаясь и краснея под пристальными взглядами.

– Когда первая пятерка потеряет память, не впускайте к ним остальных, – наклонившись, говорит Ник лаборанту. – Лучше вообще изолируйте на время. И передай доктору Хейзу, что я пойду в последней.

Тот кивает и торопливо исчезает. Наверняка ему неуютно находиться в компании, где самый мелкий из ребят выше его почти на голову и шире в плечах минимум вдвое. Шон до самой двери провожает парня взглядом. Ник, не без удивления посмотрев на друга, встает рядом.

– Какого черта я им это говорю? – произносит он, снимает с цепочки на шее кольцо и надевает на палец.

Это оно, то самое. Я инстинктивно дотрагиваюсь до собственного безымянного пальца, только там пусто. Ник же продолжает:

– Все равно через пару часов они имени-то своего не вспомнят, не то что наставлений не переубивать друг друга, напугавшись до смерти.

Шон пожимает плечами и утыкается взглядом в сцепленные на коленях руки. Действительно, вопрос риторический.

– Вот это сервис. – Арт берет прямо с подноса кофе и посыпанный сахарной пудрой пончик, пристраивается рядом, опираясь ногой о стену. Подмигивает уходящей официантке.

– Как тебе кусок в горло лезет? – удивляется Рид. Кавано смеряет его многозначительным взглядом. Ничего не отвечает, лишь помахивает откусанным пончиком – сахарной пудрой с которого вымазан его широкий рот— перед лицом у друга. Тот закатывает глаза.

Ник не обращает на них внимания, а неотрывно и безучастно смотрит в огромное, от пола до потолка окно.

– Лейтенант, вас Максфилд вызывает.

Лавант оглядывается на подопечных, минуту медлит, потом кивает друзьям и уверенно шагает к выходу.

– Ник, – окликает его Шон. – Кольцо.

– Черт. – Ник снимает тонкий обруч и, подмигнув, перебрасывает другу. – Пусть пока побудет у тебя. – Оборачивается и бросает напоследок: – Через пять минут буду.

Я включаю перемотку, постукивая ногтем по столешнице. Но проходит пятнадцать минут, полчаса, а Ника все нет, – зато я вижу себя. Меня ведут... Нет, скорее тащат, потому что я вырываюсь, как дикий зверь, отбиваясь от чужих рук и цепляясь за все, до чего могу дотянуться. По щекам текут слезы, но никто не обращает внимания. Толчком в спину я влетаю в кабинет отца, и дверь захлопывается. Как и моя надежда узнать, что было дальше. Потому что камер там нет.

Я перематываю еще немного. Смотрю на мониторы над головой, снова опускаю взгляд. Вдруг тишину нарушает грохот, будто кто-то запустил в соседней комнате фейерверк. Пульс ускоряется, стучит в голове. Я слишком много времени потеряла.

И тут на одном из экранов мелькает отец. Он делает шаг назад, открывая обзор, и я вижу в комнате доктора, наполовину скрытого плечами охранников. Они расступаются перед широкими шагами полковника, и теперь я вижу, куда он направляется. У дальней стены в вертикальном положении установлены пять кушеток, к одной из них привязан Ник. Его руки и ноги зафиксированы кожаными ремнями.

– Ублюдок, – шипит он отцу в лицо. – Только тронь ее!

Тот оскорбленно хмурится. Я встаю на цыпочки, чтобы лучше видеть детали, но изображение мелкое, кабинет огромный и все такое светлое, что стены вдалеке сливаются в сплошное белое полотно.

– Я столько вложил в тебя, щенок, я твою семью спас! Я вырастил вас с Джессом, как отец. Научил всему. А что ты сделал? Позволил себе посягнуть на мою семью!

Несколько секунд они неотрывно смотрят друг на друга. От висящей между ними тишины хочется взвыть, исполосовать ее на кусочки, только чтобы молчание это прекратилось.

– Что в тебе такого особенного, Ник? – шепчет отец. – Ты с самого детства только и занимаешься тем, что доставляешь проблемы. Ведешь себя как отморозок, игнорируешь правила,

отказываешь от всего, за что другие готовы глотки рвать, отталкиваешь всех вокруг, а люди все равно к тебе тянутся. – Каждое новое слово он, распаяясь, произносит всё громче. – Я могу понять Джесса – он твой брат. С Кавано и Ридом все тоже предельно ясно. Даже Виола повела себя предсказуемо – не стоило ожидать здравых поступков от глупой девчонки. А вот Тайлер...

– Не смей говорить о нем, – чеканит Ник.

– Почему? – невозмутимо спрашивает отец и, клянусь, улыбается. – Потому что про друзей нельзя иначе? А про лучших из них – тем более?

Ник молча сжимает кулаки – кажется, что руки его трясутся, но не от волнения, а от злости. В голове у меня стучит лишь одна мысль: если он сейчас вырвется, то убьет любого.

– Ты не заслуживал его дружбы. Так же, как не заслуживаешь и Виолу, – сквозь зубы цедит отец. И на этот раз Ник молчит. Он согласен. Я касаюсь монитора пальцами, готовая упасть на колени и умолять его не слушать, потому что знаю правду.

– Это не вам решать. И уж точно не мне.

– Ты так считаешь? – удивленно произносит отец. – Обнулите последние полгода Виолы, – командует он. – Я заберу ее через час и помещу в госпиталь. Заранее предупредите персонал, что потеря памяти – результат несчастного случая.

– Сэр, но все оборудование настроено на Эхо, – возражает доктор. – У нас больше двух десятков парней, которые прямо сейчас ждут загрузки. Лаборатория и так рассчитана лишь на пятерых за раз. Перенастройка займет не меньше суток.

– Тогда загрузите ее с вместе с мистером Лавантом, – обрывает его отец. – Тонуть, так вместе. После процедуры Ника заприте до моего возвращения. Все дневники изъять. Он не заслуживает собственного прошлого. – Глаза Ника в ужасе расширяются. – Может, тогда ты научишься вести себя как подобает солдату.

С неприкрытым отвращением, будто схватил что-то мерзкое, отец наклоняется и достает из сапога Ника нож.

– Твоим родным уже отправлено официальное письмо о гибели, – говорит он, покидая комнату. – Не переживай, ты умер как герой. Честь своих солдат для меня выше личных обид.

Стеклянная дверь с шипением закрывается, выпуская отца и доктора в коридор и оставляя Ника один на один со сказанным.

– Я не буду брать на себя ответственность, – предупреждает Максфилда доктор. Мужчины сцепляются взглядами, и даже сквозь экран можно ощутить, как накаляется атмосфера. – Мы не подключали к Эхо неподготовленных людей. Да и даже не в том дело. Как отца я понимаю вас, но... Фрэнк, она ведь забудет **всё**.

– Я обещал ее матери позаботиться о ней и ни разу не нарушил обещания. Сейчас за нее решаю я. Это приказ, выполняйте.

От ощущения собственной беспомощности и слабости к горлу подкатывает тошнота. Закрыв глаза, я пытаюсь заставить сердце замедлиться, иначе стук его будет слышен на всю лабораторию. Я догадывалась, что моя амнезия – дело рук отца, – так почему же сейчас из-за его слов я словно разлетелась на осколки? Не могу сдержаться. Внутри все кровоточит. Ведь он же отец...

Столько раз я прогоняла из головы эти мысли, неосознанно оправдывая его действия, – а он этого не заслуживал. Ведь он лишил меня всего.

Заставляю себя прекратить анализировать, потому что, если продолжу, сдержать рвущуюся наружу истерику уже не выйдет. Заталкиваю обиду обратно в грудную клетку – хотя там уже и так нет места от боли, – и накрепко запечатываю.

Отец уходит, а я, не в силах сдвинуться, смотрю на экран, ему вслед, чувствуя, как последняя нить, связывающая меня с этим человеком, натягивается, скрипит и с глухим хлопком обрывается. Он меня не услышит, но я не могу сдержаться и шепчу:

– Но я ведь не вещь...

Замок шелкает – и я понимаю, что не слышала шагов. Закрываю программу. Мониторы гаснут. Скрипит дверная ручка, и я бросаюсь за стоящий справа стеллаж, вжимаюсь за него, притягивая колени к груди, – хоть бы охранник не стал осматривать помещение!

– Максфилд здесь, – произносит неизвестный голос и цокает языком. – Опять злой как черт.

– Как всегда, приперся не вовремя, – вторит другой.

Свет зажигается – мне недолго остается быть незамеченной. В поисках места, куда бы спрятаться, я верчу головой – и наконец замечаю открытую дверь, похожую на дверь в кладовую. Надеюсь, что по ту сторону вместо привычного хлама окажется выход, я на четвереньках подползаю ближе и, стараясь не дышать, заглядываю внутрь.

Лестница. Ну разумеется. Это здание соткано из коридоров и лестниц.

Стараясь не торопиться и ориентируясь по табличкам, я спускаюсь на нужный этаж. Сворачиваю направо, иду минуту, другую. Время не терпит, и ноги сами несут меня вперед. Двери мелькают одинаковыми полотнами, им нет конца, – и я наконец останавливаюсь, понимая, что заблудилась. Делаю два длинных вдоха, стараясь не поддаваться панике. Здесь меня никто не знает. Еще есть время, чтобы найти выход.

И вдруг свет гаснет.

Я застываю на месте. Надежда на спасение, успевшая зажечься внутри, потухает следом за освещением. Глаза не могут привыкнуть к темноте. В коридоре без окон она ощущается безмерной, как Вселенная. Пытаюсь идти, но стены будто сами собой вырастают там, где их совершенно не должно быть. Эти бесконечные коридоры – как моя жизнь, в ее лабиринтах я потерялась, и выхода не найти.

Стараясь сохранять спокойствие, я касаюсь прохладных стен кончиками пальцев. Срабатывает аварийное освещение, разрывая тьму красными мерцающими огоньками. Боже, спасибо! Я подлетаю к табличке с картой эвакуации и понимаю, что забрела слишком далеко. В крыло, допуска в которое у Блэйк нет. Рука сама тянется за ухо – включить наушник. Арти меня убьет. А Шон разровняет землю над моим несчастным трупом. Но выбора нет, поэтому я выдавливаю тихое «Прием».

– Прием, – тут же отзывается Арт. На фоне слышатся шаги – он то ли бежит, ударяя тяжелыми подошвами по бетонному полу, то ли за ним гонятся.

– Мне нужна помощь, – шепотом прошу я.

– Где ты? Все еще в первом блоке?

– В третьем, – мысленно сжавшись, отвечаю я.

– Какого лешего тебя занесло в третий? Это же противоположная сторона комплекса.

– Потом расскажу. Мой пропуск здесь не работает. И свет погас.

– Возвращайся через крышу. Найди любую лестницу и топай наверх, пока не вылезешь наружу. Там сориентируешься, куда бежать.

«О нет, только не через крышу», – едва не вою я. Лодыжка – память о прошлом забеге по крышам – принимается противно ныть, словно подтверждая плохие предчувствия.

– До связи, – бросает напоследок Арт, и его голос растворяется в стуке моих шагов.

В коридоре по-прежнему тишина. Что бы Шон ни задумал, они с Артом явно далеко от меня. Я сворачиваю в первый же попавшийся лестничный пролет и несусь наверх, пока ступеньки не кончатся. Лампочек тут нет, двигаться приходится на ощупь. Руки машинально тянутся обшаривать стены, и наконец я нащупываю ручку. Хоть бы получилось.

Замок поддается, дверь открывается. Глаза на несколько мгновений слепнут до белизны – от яркого света. Я с силой прищуриваюсь, пытаюсь сообразить, куда идти. Сердце бьется на пределе, а нервы натянуты так, что прикоснись – и, как струны, лопнут, ведь на плоской крыше посреди бела дня я как муха на ладони.

Осматриваюсь. Позади меня лес, значит, центральный вход слева. Доберусь до аварийного выхода, спущусь вниз и выйду как сотрудник лаборатории, решаю я. И снова бегу. Единственное, что я слышу – мое влажное дыхание и хруст снега под подошвами. Вдох-выдох.

Холодает. Я стараюсь не думать о том, что пальто осталось внизу. Я стараюсь не думать вовсе, но невольно погружаюсь в воспоминания, прочитанные и подсмотренные, мои собственные и принадлежащие парням, теперь уже из этой реальности, жестокой и правдивой. Я вижу отца: взгляд его синих глаз, серьезный и упрямый, говорит мне, что только такое отношение я и заслужила.

Он уходит. Мне пять, и я плачу в подушку, но не жалуясь маме.

Мне двенадцать. Он высаживает меня у женского пансионата и уезжает. Снова.

Мне двадцать один. Я стою перед монитором, разбитая и разрушенная, но опять вижу лишь его спину – и уже не удивляюсь. *«Я отдал свой долг»*. Вдох-выдох.

Я вижу Тайлера. Бегущего. Прячущегося. Дерущегося. Запутавшегося тринадцатилетнего мальчишку, стоящего с занесенным ножом. *«Потому что смерть никого не отпускает просто так»*. Вдох-выдох.

Я вижу Ника, беспомощно плачущего над гибелью лучшего друга на полу отцовской лаборатории.

– Ви, я не хочу говорить об этом. Все в прошлом. А прошлое стерто. Зачем ты пытаешься воскресить его?

– Потому что прошлое – это часть тебя. А я хочу узнать. Тебя.

– Хочешь узнать, как я стал таким ублюдком?

Вдох-выдох.

И я не хочу этого видеть. И не хочу знать. Поэтому бегу быстрее, пока крыша не кончится. Дергаю за ручку. Захлопываю за собой дверь. Внутри темно и тихо. Слишком тихо. И это хорошо. Так ведь и должно быть.

Но не успевает последняя фраза промелькнуть в голове, как кто-то зажимает мне рот рукой и грубо притискивает к стене. Окружающие предметы расплываются. Последнее, что я замечаю, – силуэт мужчины, горящие огнем глаза и дикую улыбку-оскал. Я пытаюсь закричать, но стремительно проваливаюсь куда-то.

В место, где тепло. И солнечно. Туда, где я не забыла надеть пальто.

Приятная нега растекается по коже, но в какой-то момент мир опрокидывается. Я медленно открываю глаза и понимаю, что никакого тепла и солнца тут нет. Кое-как свожу в фокус окружающие предметы. Вокруг серые бетонные стены. И много света, режущего глаза.

Я пытаюсь пошевелиться, но руки стянуты за спиной. Пол плывет. Транквилизатор дает о себе знать тошнотой и вялостью в ногах. Первым накатывает осознание, что я попалась. Подвела парней – они ведь ни за что меня тут не оставят, полезут за мной. Следом приходит страх – за себя, за них, – леденящий ужас. А потом время на секунду замирает, и я будто слетаю с обрыва на огромной скорости. Потому что чувствую *его* присутствие раньше, чем поднимаю голову. Уже заранее зная, куда смотреть.

Через толстое стекло в точно такой же комнате сидит Ник.

От одного взгляда на красно-фиолетовую палитру гематом на его лице сжимается желудок. Я не могу отлепить взгляд от заострившихся плеч и коленей, впалых щек и падающей на лицо челки, еще сильнее подчеркивающей худобу. Он поднимает голову, глядит прямо на меня – но не замечает. Даже яростный блеск в его глазах, который невозможно вытравить ни одним известным мне способом, смотрится тускло. Ник устал. И это видно.

Я до боли закусываю щеку, чтобы не дать шанса слезам. За спиной кто-то громко восклицает:

– Ну наконец-то блудная дочь вернулась домой!

Резко поворачиваю голову – и тут же морщусь от боли в шее и головокружения.

Волосы цвета беззвездной ночи. Синие глаза с низкими бровями, слегка нахмуренными, будто он заранее не одобряет ничего, что я могла бы сказать или сделать. И этот командный тон. Колкий взгляд отца проникает в подсознание, ворошит архивы памяти, вытряхивая воспоминания: его рука крепко сжимает мой локоть; пощечина; сворачивающийся ужом страх от одного лишь увиденного на экране телефона слова «Отец». Его присутствие, как и прежде, заставляет цепенеть, но я прикладываю все силы, чтобы сохранить спокойствие. Я больше не та, что была раньше, поэтому отвечаю:

– Неужто тебе не все равно?

– Меня во многом можно обвинить, но точно не в равнодушии, – отвечает он. – Особо бенно по отношению к тебе. Видишь, даже друг твой здесь, я постарался. Надеюсь, ты рада его видеть?

Игнорирую вопрос – он все равно риторический. К горлу подкатывает тошнота; хочется вскочить с места, сорваться и убежать, но я не могу даже рукой пошевелить – она накрепко привязана к стулу. Охранник у меня за спиной предупредительно покашливает. Отец встает передо мной и заглядывает в глаза.

– Скажи мне, Виола Максфилд, разве оно того стоило? – Он разговаривает со мной как с маленьким ребенком: мягко, но в то же время отчитывая. Сразу хочется спрятаться от него – неизвестно откуда взявшаяся вина отзывается глухим стыдом. *Я опять его подвела. Не оправдать отцовского доверия – это самое страшное.* – Ты в очередной раз совершила ошибку, – укоряет отец, и в груди после этих слов что-то внезапно воскресает, что-то, донныне спрятанное под самыми тяжелыми могильными плитами. Память услужливо возвращает прошлое – холодный взгляд и острые, жгущие изнутри упреки: «только я знаю, что для тебя лучше», «прекрати заниматься ерундой», «не трать мое время, Виола, оно стоит дороже, чем ты можешь себе позволить», – и я думаю: какой же я была наивной! Теперь я точно знаю, что такое страх.

Страшно – понимать, что иллюзии, которые ты так долго строил вокруг себя, как воздушные замки, рушатся в один миг, опадая под ноги разбитым доверием. Что твоя жизнь – не более чем возмездие долга.

Страшно – знать, что твой собственный отец использовал тебя, обманул и предал. И готов сделать это снова.

Страшно – глядеть в глаза того, кто сидит напротив. Того, кто, несмотря ни на какие удары, собирает себя по кусочкам, продолжая ухмыляться в лицо противнику.

Страшно – чувствовать, что это конец и никакие слова тут уже не помогут.

Но несмотря на ужас, я уверенно отвечаю:

– Теперь я вижу, что совершила только одну ошибку. Надо было сбежать раньше.

Отец качает головой, несколько секунд внимательно меня рассматривая.

– Дело в Нике? – спрашивает он. – Ты зря цепляешься за него, глупая. Ник уже не человек. Он – биологическое оружие. И пока ты считаешь, что между вами нет разницы, с каждым его улучшением вы отдаляетесь друг от друга все сильнее и сильнее. Сейчас он с тобой, потому что ему этого хочется, – но мальчишеская спесь остынет, и что ты будешь делать? Ведь если он уйдет, ты никогда его не догонишь. Будь ты чуть внимательнее, заметила бы, что Ник не мерзнет, хотя ходит в тонкой куртке, даже когда вокруг снег. Обращала ли ты внимание, как быстро на нем заживают раны? А его моторные навыки, скорость... Он же словно ангел смерти, от которого невозможно уйти. Крыльев разве что не хватает.

От того, как отец восхищается Ником, словно художник – собственной работой, внутри все завязывается узлом.

– За превосходство, моя дорогая, надо платить. В него вложено такое количество денег и сил, что ему до конца жизни не выбраться из долгов.

На Ника обрушивается очередной удар. Я зажмуриваюсь и опускаю голову, слабо всхлипывая.

– Его болевой порог не имеет на сегодняшний день равных. В начале эксперимента мы даже подумать не могли, что сможем достичь таких результатов.

Я возвращаю взгляд к стеклу – в надежде, что это жуткое представление вот-вот закончится, – но не выдерживаю и снова отворачиваюсь. Не могу смотреть, как на лице Ника после каждого удара расцветает очередной кровоподтек. Отец рассказывает о нем так, будто это не человек вовсе, а вещь, которую он хочет подороже продать.

– В нем не просто сила, Виола. В нем еще тонны рвущейся на свободу злобы. Поверь мне, именно так выигрываются самые славные бои. И наш еще не окончен. Этот парень – мой билет наверх.

– Поэтому ты решил держать его взаперти? Как прочих своих подопытных зверюшек. – Перевожу взгляд на безмянного солдата, стоящего в стороне со скрещенными на груди руками. Судя по выражению лица, мои слова ему не по душе. Вот только мне плевать. Отец презрительно усмехается.

– Ник кое-что у меня украл, – беспечно отвечает он. Я невольно задаюсь вопросом, насколько наигранно его спокойствие. – Разработки Коракса отличаются от тех, которые используют в армии, они в разы эффективнее. Именно поэтому никто не должен о них знать. Вот почему я здесь, Виола. Вся проблема в том, что я создал самый крепкий в мире сейф, а теперь он захлопнулся.

В комнате напротив Ник усаживается на металлическом стуле поудобнее. Развалившись и пугающе ухмыляясь, закидывает голову на спинку и прикрывает глаза. Отец молчит, сложив руки перед собой и глядя, как двое по ту сторону стекла вновь обмениваются репликами, а потом спокойно продолжает:

– Каждый допрос он превращает в фарс. Мы сами его этому обучили.

Охранник толкает Ника в бок дубинкой. Тот с флегматичной отстраненностью поднимает взгляд и, глядя на своего карателя в упор и что-то говоря, растягивает рот в скалящейся ухмылке. Допрашивающий его агент недовольно выдыхает и, скривившись, оборачивается в нашу сторону. Взгляд Ника тоже скользит к стеклу. Он наверняка догадывается, что за ним наблюдают.

– Ничего более не вызывает в нем страха, трепета или хотя бы беспокойства. Ему просто на все плевать.

– Оружие, которое было сконструировано хранить молчание, обернулось против своего создателя, – злорадствую я. – А как же альтернативные методы, сыворотка правды например?

Отец смеется. И от этого смеха по спине бегут мурашки.

– Неужели ты думаешь, что у бойцов, на подготовку которых мы потратили столько лет, нет от нее иммунитета? Но, – он поднимает палец, – у каждого из нас есть слабости.

Его синие глаза – мои синие глаза – смотрят в упор, и внутри меня снова просыпается неконтролируемое чувство тревоги.

– У Ника непростой характер, но он более чем способен им управлять. Я наблюдал за ним с детства, и всегда за его действиями стояла важная цель. Вот и сейчас, Виола, он просто ждет.

– Чего?

– Причины заговорить.

– Серьезно? – Из горла вырывается истеричный смешок, в данной ситуации настолько нелепый и наигранный, что я и сама бы себе не поверила. – Тогда у меня для тебя плохие новости. Я не могу тебе помочь. Я все равно ничего не помню.

Кажется, будто отец ждал этого момента. Немного помедлив, он подходит к стеклу и набирает на его поверхности пару команд. Перегородка подсвечивается белым – и будто растворяется в воздухе. Появляется звук. Голова Ника приподнимается, его взгляд останавливается на мне.

– Я знаю, что ты все забыла, – говорит отец, – но ты можешь помочь Нику вспомнить.

Наши с Ником взгляды встречаются, и я впервые читаю в его глазах панику. И понимаю, что предпочла бы перенести любую боль, издевательства, только бы не видеть в них страх. А его становится так много, что он льется между нами рекой. Я чувствую, как Ник стискивает зубы, и незаметно качаю головой. Нельзя показывать отцу, что его методы работают.

Переместившись из моей камеры в камеру Ника, отец встает напротив него.

– Она ведь и мне дорога, – тихо произносит он, чуть наклонившись. Ник не сводит с него глаз. Его молчание громче, чем самый отчаянный крик.

– Как ты можешь? – это все, что он произносит, но, судя по тону, сам знает ответ. И вряд ли этот ответ ему нравится. Отец молчит. Любой другой уже давно отвернулся бы, спасаясь от пристального взгляда, сулящего медленную и жестокую смерть, но полковник Максфилд продолжает игру.

– Ты знаешь правила, – говорит он, а меня едва не выворачивает наизнанку от страха. – Нужно всего лишь ответить на мои вопросы. Я, как и ты, меньше всего на свете хочу причинить ей боль. Просто в нынешней ситуации выбор – за тобой.

Я практически не дышу, стараясь не упустить ни единого слова; не моргаю, обманывая свой разум – мол, пока не закрою глаза, ничего страшного не случится, – хотя мысленно съеживаюсь в крошечный комочек посреди огромной бетонной клетки. Клетки, откуда для меня нет выхода. Глаза Ника пристально смотрят в мои.

– Я хочу, чтобы вы оба поняли: все, что я делаю, – ради вашего же блага. Некоторые решения для нас болезненны, но необходимы. Тебе ли не знать, – добавляет отец и, похлопав Ника по плечу, выходит из камеры.

– Молчи, – произношу я одними губами. – Что бы ни происходило, молчи.

Плечи Ника напрягаются так, что того и гляди разорвут одежду. Даже охранник за его спиной слегка отодвигается, готовый, кажется, сорваться с места и сбежать.

– Если у него еще есть наглость угрожать мне, то значит, хватит и силы сопротивляться. Позаботьтесь об этом, – добавляет отец, и я провожаю взглядом его спину. В очередной раз.

Позади раздаются шаги. Я успеваю лишь вскрикнуть. Последнее, что я вижу перед тем, как кто-то бьет меня наотмашь по лицу, – побелевшее лицо Ника напротив...

Глава 4. Клетка

Время останавливается, запутываясь в стенах комнаты. Какое бы решение ни принял Ник, мы уже проиграли. Вопрос только в том, сколько нам отмерено. Или сколько я выдержу. Дышать носом становится невозможно – из него сочится кровь, попадает в рот и стекает с подбородка на шею, впитываясь в воротник. Кажется, она не остановится никогда, вся выльется, и я упаду на пол пустой оболочкой. Может, так и лучше.

Застегнутый в форму до самого горла солдат поворачивает ко мне безучастное лицо и уже через секунду одним пинком выбивает из-под меня стул. С позорным стоном я опрокидываюсь на пол. Стараюсь приручить страх, но инстинкт выживания вопит и рыдает, умоляя, чтобы крик выпустили наружу, – и все же я сдерживаю его очередным глубоким вдохом с привкусом железа на языке. Пячусь, не отрывая взгляд от фигуры в форме, пока не ударюсь спиной о стену. Поднимаю голову, замечаю собственное лицо в тусклом отражении и в ужасе распахиваю глаза. Лучше бы не смотрела, потому что от вида крови страх переливается во мне через край.

... – Неужели ты ничего не боишься? – спросила я Ника однажды.

– Боюсь, – ответил он, пожав плечами. – Просто не позволяю никому этого видеть. – В ответ на мое недоумение он подошел чуть ближе и, наклонившись, шепотом добавил: – Я делаю то, что удастся мне лучше всего: заставляю бояться тех, кто пытается заставить меня...

«Готов поспорить, Виола, что мы с тобой абсолютно одинаковые, – произносит Ник в моей голове. – Так борись!» Хочется кричать, что я устала, что пусть весь мир катится к черту, – но я чувствую, что он каким-то образом просит меня не сдаваться. Поворачиваю голову, разглядывая ботинки, оставляющие на полу кровавые следы, и заставляю себя посмотреть своему мучителю в глаза.

– Поздравляю, солдат. Столько лет военной подготовки явно не прошли зря, – зло скалюсь я, поглубже заталкивая голос разума, который орет, словно сломанная сигнализация.

Охранник застывает; на лице его мелькает замешательство, которое он тут же прячет.

– Как твое имя? – спрашиваю я, улыбаясь шире. Рваная боль тут же огибает кривую от уголка губы к скуле, в которую он меня ударил, и оседает в висок. – Глупый вопрос, согласна. Ты, конечно же, не ответишь. Ладно, буду звать тебя мистер Смит. Ведь всех незнакомцев в фильмах так называют. Папочка хорошо тебя выдрессировал.

«Что ты творишь?» – вопит взгляд Ника, но я притворяюсь, что не вижу его. Я выучила твои уроки. А теперь выигрываю жалкие обрывки времени, пока отец не запихал меня в адскую машину, где моя жизнь начнется сначала. Уже во второй раз. Охранник делает шаг в мою сторону. Я сдуваю с лица прилипшую прядь волос.

– Хорошая шавка, послушная. Вижу. Поделись ощущениями, каково это – избивать связанных беззащитных девушек? Ведь это даже более подло и низко, чем толпой на одного.

Второй. Третий. Уже решительней. Разбитый нос продолжает сочиться, но мне уже все равно.

– Почему ты все время молчишь? Умоляю, Смитти, поклянись, что я у тебя первая. Иначе эту боль я не вынесу.

Он молчит, окаменев. Но мне не нужны ответы, чтобы продолжать игру.

– Смотри на меня, смотри во все глаза. Как долго ты будешь вспоминать забившуюся в угол девушку, жизнь которой ты так старательно пытался сломать?

В незнакомых чертах лица боли теперь больше, чем злости. Чувство обреченности в них оглушает, а осознание того, что «это» сделала с ним я, наполняет силой. Злодеем может быть

каждый, верите? Долгую минуту я чувствую удовлетворение, а потом смотрю на солдата, такого потерянного, разбитого, пусть и возвышающегося надо мной минимум вдвое, и вдруг понимаю, что завтра этот парень может ничего не вспомнить.

Гнев остывает. Остаются лишь досада и чувство обреченности. Ведь выходит, что в этой клетке две жертвы. Если он не заставит Ника вспомнить, отец заставит его самого забыть. А был ли в таком случае выбор? Я вытираю кровь о плечо, но только сильнее размазываю ее, и начинаю истерически смеяться. Кажется, я загнала собственную логику в угол. Боже, какая же дура. Никакие слова тут уже не помогут. Громко хлюпаю носом и напоследок бросаю:

– Завтра мы проснемся на соседних кроватях, без памяти и без прошлого, и, может быть, ты даже улыбнешься мне и мы станем друзьями. Вот ирония. А я так и не узнаю, что это ты разбил мне лицо.

Возможно, скоро я очнусь счастливой, но именно эта Виола, живущая во мне, та, которая впервые держала в руках оружие и чистила картошку, которая прыгала по крышам и спасалась от погони, которая ошиблась в людях минимум трижды, навсегда перестанет существовать. Потому что исчезнут люди, которые были ей дороги. *«Прости, Ник. Кажется, я не смогу нас спасти».*

Но Ник молчит, отрешенно глядя перед собой. Будто заглядывает мне прямоком в душу. Возможно, все еще ищет что-то, на что смог бы опереться, но доверие, хрупкое и шаткое, что мы успели построить, я разрушила. Осталось ли между нами что-то, способное убедить его в обратном? Я знаю, что у прежней Виолы были чувства, которые могли бы снести любые стены. Но я не она. Увидит ли Ник те же признания в моих глазах? Вряд ли.

– Что тут происходит? – Мой вздох застревает где-то в середине горла, так и не выбравшись наружу, а мир переворачивается вверх ногами, потому что в комнату входит Джесс. – Чего застыл как изваяние? – рывкает он на солдата, сбитого с толку моими пространственными речами.

Вот и все. Передышка окончена. Наверняка именно так чувствуют себя лабораторные мыши, знающие, что им не выбраться, а конец близко.

– Отойди, дальше я сам. Максфилд в курсе, – добавляет Джесс, и я понимаю, что смерть твоей девушки от рук родного брата – вот настоящее искусство в уничтожении личности. Отец подстроил всё настолько филигранно, что хочется поаплодировать. Воспользовавшись заминкой, я медленно просовываю ноги сквозь кольцо рук, чтобы веревки оказались спереди, а не за спиной. Джесс замечает мой маневр и делает шаг навстречу. – Кажется, мы знакомы, Виола? – говорит он.

– Вряд ли, – отвечаю я, решительно глядя ему в глаза. Откуда Лаванту-старшему известно о моем существовании – понятно. Вопрос в том, как много ему известно.

– Забавно, правда, когда другие осведомлены о тебе лучше, чем ты сама, – произносит он, подходя все ближе.

Теперь я могу отчетливо разглядеть сходство между братьями – которого не так уж много: глаза с небольшим прищуром да волосы цвета вороного крыла. Только виски у Джесса уже прошиты ранней сединой.

– Стипендиат института Лондон Метрополитен, так и не воспользовавшийся грантом. Дважды проходила отбор в команду по гребле, три раза – в сборную по волейболу и даже в шахматный клуб, но с треском провалилась. Старалась угодить папочке, видно. Экзамены на отлично, с выпускного класса – председатель литературного общества, волонтер в приюте для собак. Что еще? – щелкает он пальцами, пытаясь вспомнить. – Да, выпустила анонимную газетенку, разоблачившую местного профессора-извращенца, равнодушного к молоденьким студенткам. Бедняге пришлось уволиться, а вот зачинщиков сего действия так и не нашли, – пожимает плечами Джесс. – Курила травку в клубе «Вацио», тебя задержали, но умудрилась замаять это дело, не сделав ни одного звонка. Похвально. А не такая уж ты и паинька, морковка, – колкий акцент на последнем слове. – Как же ты оказалась в таком жалком положении?

– Ты не можешь знать обо мне такие вещи, – заявляю я, решительно поднимаясь на ноги. Джесс смеется, но его взгляд колет стеклянной крошкой. То, что сочтется в нем, можно назвать только одним подходящим словом – неприязнь.

– Мне известно о тебе гораздо больше, чем ты думаешь, – ядовито добавляет он. – И поверь, некоторые вещи я хотел бы не знать.

Его слова, как гвозди, прибивают меня к стене, спина между лопатками холодеет, но я понимаю: даже такой, насмехающийся, но все же Лавант, лучше, чем бьющий меня по лицу неизвестный парень. Удерживая его взгляд, я пытаюсь освободиться, сжимая пальцы сильно, как только могу, но веревки стянуты настолько, что оставляют на руках красные полосы.

– Вот этого делать не советую, – цедит Джесс и бьет меня по запястьям.

– Джесс, пожалуйста, – вдруг произносит Ник, глядя исподлобья и сцепив скованные руки в замок. Почему он даже не пытается сопротивляться? Просто сидит, не размыкая пальцы ни на секунду. Смирился? Понимает, что бесполезно?

– Прости, братишка, но ты давно исчерпал кредит доверия, – не поворачиваясь, отвечает Джесс и с силой сжимает мой подбородок, приказывая смотреть ему в глаза. Теперь в них кипит нечто иное – заставляющее зябко ежиться, но не позволяющее отвернуться или зажмуриться. Чувство, на которое способны многие, но не каждый в состоянии выразить его так точно одним лишь взглядом. Ненависть. Настолько раскаленная, что я чувствую ее кожей.

– Руки убери, – сквозь зубы шиплю я, зная, что мои угрозы на него все равно не подействуют. Джесс ухмыляется:

– А то что?

«Тебя спасут только хорошая реакция и отсутствие морали».

Я со всей силы бью ногой по его ступне, а потом – выше, насколько могу дотянуться, надеясь, что попаду. Джесс шипит и отступает. Выражение его лица меняется с недоумевающего на озлобленное. Все в комнате замирают. На секунду я даже чувствую себя способной сбежать, но, прежде чем успеваю что-либо предпринять, грубая рука толкает меня в стену, обхватывает за горло и поднимает над полом. Тело реагирует паникой и рваными попытками освободиться. Мои ноги повисают в воздухе, и кажется, что я вешу минимум втрое больше. Джесс крепче сжимает пальцы, почти перекрывая доступ кислорода. Слезы начинают щипать глаза, и я задерживаю дыхание, чтобы справиться с ними. Словно у выброшенной на берег рыбы, мой рот беспомощно открывается, и я не могу произнести ни единого звука. Из горла вырывается жалкий всхлип.

– Не увлекайся, Джесс, – раздается испуганный голос. Кажется, это мистер Смит. – Ты же понимаешь, что Максфилд с тобой сделает, если девчонка пострадает.

Охранник из камеры Ника, увлеченно наблюдая за нами, делает два шага к стеклу. Самого Ника мне не видно – его брат закрывает обзор. Двумя руками я вцепляюсь в руку Джесса, пытаясь ее расцарапать, но он словно не замечает. По-прежнему вжимает меня в стену, но при этом ослабляет хватку, позволяет висеть на его руке. И я понимаю, что теперь могу дышать. Сожми он пальцы чуть крепче, и я упаду без сознания. Неужели специально подыгрывает? Ждет ответных действий? Или мне только кажется? Взгляд Джесса остается непроницаемым. Он так же пристально глядит в мои глаза, чуть склонив голову набок. Мы неотрывно смотрим друг на друга, когда его губы открываются и он тихо произносит: «Давай!»

В голове зажигается вспышка. «Джесс, уходите!» – голос Ника звучит внутри, будто он во мне, а я в нем, потому что, могу поклясться, я вижу широкую спину Джесса – так, как видит Ник из своей камеры. И в этот момент я понимаю: Джесс говорит не со мной, а с братом, смотрящим в его глаза – сквозь мои.

Дальше все происходит будто в замедленной съемке. Ник высвобождает руку и обвивает шею отвлекшегося охранника. Солдаты из коридора тут же кидаются в его часть комнаты. Рука

на моей шее исчезает. Я падаю, но Джесс успевает подхватить меня под локоть. Закашлявшись, жадно глотаю воздух.

Дверь распахивается. В комнате появляется еще несколько человек. Джесс достает нож. Но вместо того чтобы ударить, перерезает веревки на моих руках, отталкивает меня в сторону и, не теряя ни секунды, бросается на помощь брату. Я забиваюсь в угол. Включается система оповещения. Скоро тут будет целый батальон охраны. Но пока – лишь двое против одного в нашей камере и четверо против Ника в соседней.

Ник отступает к стенке, прикрываясь одним из охранников. Противники превосходят его количеством, но в тесном помещении им сложно развернуться. Очевидно, Ник специально пытается согнать их в кучу, чтобы они мешали друг другу. Секунда, и он бьет своего заложника в спину и толкает его в стоящих спереди. Все, что я вижу дальше, – мелькающие локти, спины, ноги, неясно чьи.

Джесс в моей камере хватается за парня, который избивал меня, и ударяет его головой о стену раз, другой, пока тот не падает без сознания. Я вскрикиваю. Тошнота подкатывает к горлу, все внутри дрожит. Кто-то достает пистолет, но Ник перехватывает и выворачивает руку с оружием. Глухой крик растворяется в стенах комнаты. Кровь, звуки ударов и крики смешиваются воедино. Не то чтобы я не знала, что эти парни умеют драться, но не до конца понимала, насколько они опасны.

Ник пропускает удар и падает на пол, но тут же подсекает одного из нападающих и, перекатившись, снова поднимается на ноги. К нему наконец присоединяется Джесс – перекидывает брату нож, – и как только лезвие совершает первую карающую дугу, соотношение сил моментально меняется. Ник и нож. Пугающий дуэт в действии. Я хочу закрыть глаза, чтобы не видеть, но не могу пошевелиться, словно загипнотизированная этим жутким безумием с оттенком крови.

Прихожу в себя только тогда, когда, цепляясь за стену, Ник поднимается, рукавом вытирая с лица кровь. Она словно камуфляж, а он – словно последний выживший на руинах мира. Я медленно подхожу ближе, пересекая порог его камеры. Наши взгляды встречаются. Ник резко вдыхает, а потом говорит почти шепотом:

– Ну привет, Морковь.

И я прикипаю к нему, вцепляюсь в измятую рубашку. Он замирает в растерянности, а потом его руки обнимают меня – и это ощущается так же естественно, как дышать. Сердце в родных объятиях отвечает взволнованным трепетом. Оно помнит эти прикосновения, ведь, даже когда мой разум считал Ника предателем, мое сердце все равно слепо к нему тянулось. Я будто стою на краю пропасти, до смерти напуганная – и готовая сорваться с обрыва. Но не чтобы упасть – чтобы взлететь. И на мгновение все снова становится хорошо.

– Ну, чего застыли? Бегом!

Джесс швыряет в центр комнаты стул, встает на него и, отодвинув решетку в потолке, нашаривает за ней что-то.

– Надо валить, пока сюда весь Коракс не явился.

Он достает из тайника спортивную сумку. Спрыгивает и кивком показывает на выход, смерив меня брезгливым взглядом. Я морщусь. Если он так меня ненавидит – зачем спасал?

– Прости за нос, – говорит Джесс. – Я немного опоздал, – добавляет он.

Я оборачиваюсь к Нику.

– То есть ты знал, что можешь освободиться, но терпел удары, чтобы никого не выдать?

– Вроде того, – пожимает он плечами. – Прости и... спасибо за помощь.

Он пытается улыбнуться разбитыми губами, хотя это дается ему с трудом, – и я вдруг снова смотрю на мир его глазами. Один из охранников поднимает пистолет, направляя его в нас. Джесс реагирует молниеносно.

– Джесс, рикошет! – кричит Ник, выставляя руку перед собой, а дальше все происходит так быстро, что я не успеваю даже вдохнуть. Ник обхватывает меня руками, впиваясь в плечи с такой силой, что я вскрикиваю, и резко разворачивает на сто восемьдесят градусов. И в этот момент друг за другом раздаются два выстрела. Мы смотрим друг на друга. Глаза Ника светлые-светлые, практически прозрачные.

– Я его вырубил! – нервно произносит Джесс, показывая на лежащего на полу парня. Рука Ника сжимается на моем плече. Он кренился, словно собирается опереться о стену, которой там уже нет, и медленно опускается на одно колено. Я вцепляюсь в его рубашку, но моих сил не хватает, чтобы удержать, и Ник падает, утягивая меня за собой на бетонный пол. Кровь выступает сквозь ткань, которую я все еще сжимаю в кулаках, и в эту секунду мне кажется, что сердце останавливается.

– Нет, нет, нет, – повторяю я, глядя, как Ник пытается зажать руками рану, но мой голос теряется в топоте ног. Я пытаюсь развернуть Ника к себе, но тут же отпускаю, увидев, как по его боку расплывается багряное пятно. Джесс встает на колени перед братом, закидывает его руку себе на шею и тянет, поднимая. Ник стонет. На полу, в том месте, где он только что лежал, остается пятно крови. Я вглядываюсь в его лицо, пытаюсь поймать взгляд.

– Все нормально, – произносит он так тихо, что слова сливаются с гудением вентиляторов.

– Быстро! – кричит Джесс. – Вещи возьми.

Я кидаюсь в угол комнаты, подхватываю сумку, тяжеленную, будто она кирпичами набита. Бросаю взгляд на Ника и понимаю, что он на меня больше не смотрит.

Мы бежим по извилистым коридорам, где из обстановки – только бесконечные трубы под потолком. Джесс впереди, я следом. Здесь темно и сыро, и акустика ни к черту: ботинки отбивают от стен такое эхо, что, кажется, наши шаги слышит весь Коракс. Я с трудом подавляю боль – адреналин упал, и теперь каждая клеточка тела вопит о передышке. Позади слышатся шаги и крики – люди отца уже наступают нам на пятки.

– Быстрее, – подгоняет Джесс. Наверно, ему тоже тяжело и страшно. Но он продолжает бежать, хоть и очень шумно дышит. Спустя пару минут включается пожарная сирена – и я ей даже благодарна, ее вой заглушает шаги. Следом звучит предупреждение об отказе системы защиты. Шон? Наверняка это его работа.

Мы сворачиваем в тоннель, узкий и низкий, так что приходится пригибаться. Внешние звуки теперь доносятся как сквозь толщу воды. Я слышу лишь бормотание, которое не могу разобрать. Джесс на ходу что-то говорит Нику? Это французский? Господи, он разговаривает с ним, точно как в детстве. Я прячу слезы за сжатыми зубами.

Наконец Джесс резко тормозит и колотит носком ботинка в тяжелую железную дверь. Раздается треск замочного колеса, коридор заполняет свет, и в проеме я различаю фигуру Шона. Меня окатывает волной облегчения.

– Ник? – ошарашенно произносит Рид.

– Не время, – командует Джесс. Шон послушно кивает и помогает нам вылезти наружу. Не знаю, что делали парни после того, как мы разошлись в разные стороны, но в несвязных, протараторенных на бегу словах разбираю, что Рейвен они все-таки нашли.

Обежав джип, Шон садится за руль, я влетаю на заднее сиденье, Ника Джесс кладет туда же, головой мне на колени. Машина срывается с места. Слышен свист, и на том месте, где мы были пару секунд назад, в воздух взмывают куски земли. Я машинально пригибаюсь, закрывая голову. Шины свистят. Меня швыряет в сиденье. Быстрее, пожалуйста, быстрее, как мантру повторяю я все время, пока стены Третьей лаборатории не остаются далеко позади.

Как только мы оказываемся на трассе, Шон скидывает скорость и встраивается в крайний ряд. Я осторожно поднимаю голову и оборачиваюсь. Никто за нами не гонится, не стреляет вслед.

– Ты испортил их тачки? – догадываюсь я.

Шон кивает:

– Гидравлику порезал, шины попротыкал. Повреждения незначительные, но ездить с ними нельзя, все равно понадобится время, чтобы устранить.

Джесс, отстегнув ремень, склоняется над Ником.

– Но как ты нашел нас?

– Меня перехватил Джесс. Еще с утра, когда тебя сцапали. Правда, он не сказал, что вы будете втроем.

Шон бросает через плечо взгляд на Ника.

– Насколько все плохо? – спрашивает он.

– Сквозное, – цедит Джесс, копаясь в сумке и выгружая оттуда бинты и ампулы. – Все лучше, чем слепое. Хоть пулю не искать.

Шон качает головой.

– Что? Что это значит? – спрашиваю я, поворачиваясь то к одному, то к другому.

– То, что у него аккуратная дырочка на спине и рваная рана размером с кулак на боку, – отвечает Джесс.

– Ему нужно в больницу! Он без сознания и еле дышит!

– Нет, нельзя, – отталкивает меня Джесс.

– Но кровь не останавливается!

– А я что, по-твоему, делаю? – рычит он, двумя руками разрывая рубашку Ника. Тень все больше набегаёт на его лицо. От вида открытой раны я всеми силами стараюсь не потерять сознание.

– Джесс, – я пытаюсь сделать так, чтобы он меня услышал, но, кажется, бесполезно. – Он почти не дышит!

– Рот закрой!

Он срывается всего на мгновение – и тишина снова повисает между нами. А потом, будто взяв себя в руки, старший Лавант поясняет:

– Он истощен. Ему несколько дней не давали есть и спать. Нику просто нужен покой, чтобы тело смогло себя восстановить. Хочешь помочь? – Я киваю. – Тогда вот здесь держи. И прекрати орать!

Он достает что-то похожее на шприц и надавливает на рану, заполняя ее ватными тампонами. Сколько крови. Господи, так много крови... Она везде: брызги на сиденьях, пятна на одежде и руках...

– Ты издеваешься? – уже шепотом умоляю я. – С огнестрельными ранениями без медицинской помощи не выживают.

– Эй, – окликает Шон.

– Виола, – Джесс едва не срывается на грубость, но сбавляет тон, плотно сжав губы. – Ник не простой солдат. Его тело регенерирует в три раза быстрее, чем у любого из нас. Давай дадим ему шанс выкарабкаться самостоятельно. Договорились?

Я обреченно откидываюсь на сиденье, еле сдерживаясь, чтобы не закричать. Все, чего я хочу, – чтобы Ник был в безопасности там, где ему смогут помочь.

– Ребята, – еще раз, уже громче, зовет Шон, пытаюсь заглушить наш с Джессом спор. Мы замолкаем и поворачиваемся в его сторону. – Арт на связи, он не знает, куда ехать.

– Я переговорю с ним позже, – отвечает Джесс. – Пусть затаится пока.

– А нам что делать? – спрашивает Шон. – Искать отель?

– Ты спятил, что ли? Мы кровью перемазаны все. Полиция окажется там раньше, чем успеем ключ в дверь номера воткнуть.

– Тогда куда ехать? – Другой бы на месте Шона разозлился, но он лишь молча сверлит взглядом лобовое стекло.

– Держись этого шоссе, дальше я покажу.

Я бросаю взгляд на лицо Ника. Его веки по-прежнему сжаты, темные волосы непослушными прядями затевают глаза, еще сильнее подчеркивая круги под ними. Мне хочется стереть с его лица боль, прогнать тревоги, заставляющие его брови хмуриться, увидеть кривоватую улыбку, но я понимаю: причина всех бед в его жизни – я сама. Слеза скатывается из уголка глаза, стекает по носу и падает на руки, оставляя на красном фоне белую дорожку.

– Он сильнее, чем тебе кажется, – подбадривает Джесс, хотя, судя по взгляду, мысленно уже уничтожил меня минимум трижды. Ведь если бы не я, Ник не был бы ранен. Но вслух в мой адрес не звучит ни одного упрека. – Говорят, что выживает не тот, кто сильнее, а тот, кто хочет жить. Будем надеяться, у брата есть повод.

Я закрываю глаза и беру Ника за руку. Мои пальцы сами переплетаются с его разбитыми. Единственный звук, который я сейчас слышу, – его дыхание. Весь остальной шум: рев двигателя, скрип кожаного сидения, стук пальцев Шона по рулю – растворяется, всё вокруг исчезает. Только я и Ник. Во тьме. Секунды превращаются в часы, удары сердца – в оставленные позади мили. Все будет хорошо, убеждаю я себя. Мы снова вместе. Наступит завтра, и мы точно что-нибудь придумаем.

Один за другим мимо проносятся фонарные столбы, наконец машина съезжает с центрального шоссе. В темноте совершенно непонятно, куда Джесс нас ведет. Ник все так же не подает признаков жизни, и, чтобы не сойти с ума от мыслей, я нарушаю тяжелое молчание:

– Куда мы?

– Если я правильно прочитал знак... – начинает Шон, но Джесс его перебивает:

– Не стоит.

Он до сих пор мне не доверяет.

– Да плевать. – Я машу рукой и отворачиваюсь.

Не замечаю, когда джип останавливается. Куда мы приехали – тоже не вижу. Всю дорогу мои глаза были либо закрыты, либо прикованы к Нику. Шон помогает вытащить его из машины. Джесс уверенно шагает к дверям обветшалого здания, светя перед собой фонариком. Это то ли дом, то ли служебное строение – ночью не разглядеть.

По узкому коридору Джесс уносит Ника в небольшую комнатку и захлопывает дверь прямо перед моим носом. Я вдыхаю, пытаюсь успокоиться, расплеваю онемевшие от напряжения пальцы и делаю неуверенный шаг. Деревянный пол под подошвами ботинок скрипит, и от каждого движения вверх поднимается облачко пыли. Змейкой гуляет сквозняк. Касаясь пальцами стен, я медленно иду, привыкая к темноте. Шаги становятся все звонче. Вот это акустика!

Внезапно холодный кирпич под моими пальцами превращается в ткань и, потеряв опору, я падаю на колени. Осторожно приподняв занавес, встаю, оглядываюсь по сторонам и ахаю.

Я на сцене. Лестницы с деревянными перилами изгибаются вдоль стен, у которых под резными потолками высются балконы и ложи. Это театр.

– Впечатляет, верно? – раздается голос, и я резко оборачиваюсь.

– Боже, Шон, как ты меня напугал. – Я обхватываю его вокруг шеи и обнимаю настолько крепко, насколько позволяют силы. – Так рада, что ты цел. Где Арти?

Я не видела парней всего день, но такое чувство, будто прошло несколько суток.

– Он с Рейвен в другой машине, – шепчет Шон и аккуратно отстраняется, пристально разглядывая мое опухшее лицо. – Они в порядке. Оба. А что случилось с тобой?

– Давай не сейчас, – прошу я. – Здесь есть где смыть с себя все это?

Шон кивает:

– Думаю, найти воду мы сможем, и ты приведешь себя в порядок.

Спустя полчаса я все еще «привожу себя в порядок», если оцепенелое бесцельное блуждание по театру можно такovým назвать. В итоге сажусь на мягкое сиденье в партере – ждать, когда Джесс вернется с новостями. Мне нужно немного побыть одной, успокоиться, прежде чем я снова его увижу. Я закрываю глаза и откидываюсь на сиденье. Здесь холодно. Вокруг пахнет пылью. Странно осознавать, что когда-то это здание наполняли люди. Оно как старый заколдованный замок, темный и неживой. Только фонарь, одиноко стоящий на соседнем сидении, освещает клочок тьмы.

Позади раздаются шаги, но я не удосуживаюсь даже обернуться. Шон накрывает меня толстым пледом, найденным, скорее всего, где-то в примерках, и садится рядом.

– Итак, мы снова вместе, – говорит он, упираясь локтями в колени.

– Как в старые добрые времена, – тихо отвечаю я.

– Не стоило мне разрешать тебе идти.

Шон действительно выглядит так, будто ненавидит сам себя за то, что его план не сработал. Я мотаю головой:

– Если кто-то и должен с отцом разобраться, то я. И ты это знаешь.

Никто из нас больше не хочет говорить. Мы сидим вдвоем в тусклом свете, отрезанные от остального мира, который давным-давно спит. Оба на грани – и поэтому нужны друг другу, чтобы не сорваться. Но чем больше проходит времени, тем тревожнее становится на душе. Ведь если бы Ник у стало хуже, Джесс бы сказал?

Наконец я слышу хлопок двери. Мы с Шоном переглядываемся. Он предлагает руку, помогая встать, и мы вместе идем к комнате, где устроили Ника. Я изо всех сил пытаюсь унять снова разбушевавшееся сердцебиение.

– Сначала ты, – говорит он, давая мне право на приватность.

Дверь поддается легко, и я осторожно закрываю ее за собой. В нос бьет запах антисептика, крови и мыла. Комната, кажется, бывшая примерная, на первый взгляд полна всякого хлама, как будто трупна однажды исчезла, побросав реквизит, гонимая неизвестным страхом, – но, присмотревшись, я понимаю: кто-то просто тщательно всё тут устроил. На полу стоит небольшая печка, поэтому в комнате тепло. Ковер с высоким ворсом вытерт, но все еще хранит частички былой роскоши, темно-красные бархатные портьеры завешивают дальнюю стену. На стойках, служивших ранее гардеробными, висит мужская одежда. Очевидно, Ник провел здесь какое-то время до того, как его поймали. Единственная вещь, которая выбивается из общего вида, – старомодный бронзовый патефон с огромным раструбом. На фоне исключительно практичных предметов он выглядит дико неуместно.

Ник все еще без сознания. Я подхожу к дивану, чувствуя, как с каждым шагом подгибаются ноги, и аккуратно сажусь на самый край. Впервые я так близко разглядываю прямые, словно щетинки, ресницы и черные волосы, падающие на лицо. Скольжу взглядом по разбитым пальцам, расслабленно лежащим на покрывале. Сейчас он выглядит младше своих лет. Просто мирно спит и мерно дышит. Блуждает где-то под сводами собственного подсознания, и я даже не уверена, слышит ли меня.

Я протягиваю руку, чтобы коснуться его лица или приоткрытых губ, но не решаюсь. Вместо этого пропускаю ставшие совсем длинными волосы сквозь пальцы, откидывая их назад. Одна из прядей тут же падает обратно. Жесткие. Упрямые. Как и он сам. Теперь понятно, почему Ник все время убирал их со лба. При взгляде на бледное лицо, всё в синяках и ушибах, в голову лезут исключительно дурные мысли, но я стараюсь гнать их, потому что уверена: Ника не сломать даже смерти.

– Ты не умрешь, ясно? – говорю я, крепче сжимая зубы, чтобы не расплакаться. – Ты обязан жить и отравлять мою жизнь своим присутствием, едкими замечаниями и колкими

улыбочками. Иначе... – Я делаю глубокий рваный вдох. – Иначе какой в этом всем смысл, Ник? Слышишь?

Сколько раз он меня спасал, а я так и не сказала даже банального спасибо! Разраженно бурчал, отчитывал за глупость, но никогда не отказывал в помощи. Язвил и насмехался, старался доказать, что ему все равно, – но всегда был рядом, готовый закрыть собой. Его поступки всегда кричали громче любых слов, но я не слышала. А теперь он без сознания, и неизвестно, очнется ли вообще. Посмотрев по сторонам, я осторожно сжимаю его разбитые пальцы и тихо добавляю:

– Ты должен проснуться.

Я жду, что он откроет глаза, но черные ресницы даже не дрожат.

– Будь я на твоём месте, тоже не хотела бы, но ты нам нужен. Нужен мне.

Дверь распахивается, и я отдергиваю руку. Совершенно не утруждая себя соблюдением правил приличия, Джесс целеустремленно шагает мимо меня и садится в кресло – по-военному выпрямив спину, словно решив, что так все еще можно управлять положением. Только вот он не командир здесь, а мы не его солдаты. Он бросает на меня пристальный взгляд, и я, растерявшись, не успеваю отвести глаза.

– Я слушаю, – произносит старший Лавант, словно ожидая, что на столике перед ним появится подписанный рапорт. На увольнение, очевидно. – Ты и Ник – что между вами происходит?

Джесс выглядит куда серьезнее брата. Судя по тону, он привык, что ему подчиняются.

– Это вроде как не твоё дело. – Впервые мне нравится такой резкий тон собственного голоса. Не затем я пришла сюда, чтобы в чем-то перед ним оправдываться.

Джесс сжимает челюсти – линия скул выделяется особенно остро, – его темные глаза встречаются с моими, и я чувствую, как он мысленно прикидывает, что со мной делать дальше, словно ведет внутреннюю борьбу. Судя по выражению его лица, я в этом поединке явно не выигрываю. Чтобы не смотреть ему в глаза, я отвожу взгляд, разглядывая комнату. Изучаю старые афиши, которые заполняют почти все свободные кусочки стен, газетные вырезки и плакаты, фотографии тех, кто работал здесь когда-то.

– А ты очень на любителя, – наконец резюмирует Джесс.

Я хмыкаю, закатывая глаза. Старший Лавант снова молчит, постукивая пальцами по деревянному подлокотнику. Встать и уйти будет невежливо. Хотя это единственное, чего мне сейчас хочется.

– Ты что-то недоговариваешь. – Колкие нотки в его голосе настораживают. – Я давно понял, ты – истинная дочь своего отца.

– С чего ты взял, что мы с ним были близки?

– Даже если не были – разве это что-то меняет?

– Это ты мне скажи.

Наш разговор – как поединок. Джесс делает паузу.

– Последний год мы с Ником практически не общались. По определенным причинам. Но я хочу, чтобы ты знала: ближе у меня никого нет, и я сделаю всё, чтобы защитить его, – предупреждает он.

– А если Ник этого не хочет?

Пару бесконечных минут Джесс молчит, а потом медленно произносит:

– У нас с ним разница – всего семь лет, но иногда мне кажется, что все двадцать. Как будто я его настоящий отец.

Я невольно замираю, не решаясь прерывать, – в этот момент он словно открывает что-то совершенно личное и интимное. Одно неосторожное движение – и этот порыв упорхнет, словно птица, и уже не поймает.

– Столько лет я делал все, лишь бы защитить Ника. Находил лучших учителей, тренировал до одури, прикрывал от твоего отца. Был рядом, даже когда он думал, что я о нем забыл. И вот теперь, спустя всего лишь год, ты хочешь меня убедить, что он во мне больше не нуждается?

Я впервые задумываюсь, что на его месте реагировала бы точно так же. В самые трудные моменты жизни он всегда был рядом с братом. Хотел Джесс этого или нет, жизнь заставила его взять на себя ответственность за другого человека, и он сделал это как мог, единственным на тот момент возможным способом. Может, он все же не так плох, как кажется?

– Послушай, Джесси... – говорю я мягко. – Я вам не враг.

От неожиданной перемены тона он настораживается.

– Я Джес, – резко бросает он. – Ни Джесси, ни Джейсон. Джес. С одной «с» на конце.

Ради общего блага я решаю промолчать и улыбнуться, но про себя бурчу: «Из принципа буду везде писать с двумя». И когда мне уже кажется, что та самая шаткая грань перемирия найдена, он поднимается и бросает:

– Не знаю, что ты там себе напридумывала, но я не позволю сломать ему жизнь.

И уходит, оставляя нас одних.

Корвус Коракс. Закрытые материалы

Вырезки из дневника. Джесс Лавант

Август 2006 года

Надеюсь, я поступил правильно. Хотя какой, к черту, у меня был выбор...

– Прости, ма, – произнес я, укладывая вещи в рюкзак. Пара джинсов, несколько футболок, бейсболка, мастерка. Разрешат ли мне что-то из этого оставить? Или теперь я обязан носить исключительно военную форму? Я вздохнул. Еще стопка вопросов добавилась в копилку туманной неизвестности в голове, хотя она уже и так переполнена. Слишком много мыслей родилось и умерло в ней в эти дни.

Где они будут брать деньги?

Что, если отец снова сорвется?

Кто научит Ника всему, что должен знать пацан в его возрасте?

Где возьмет деньги?

Вопросы каждый вечер крутились в голове, пока она не начинала раскалываться и я не проваливался в сон, но, открыв глаза, наткнулся взглядом на календарь и, зачеркивая еще один день до отъезда в академию, запускал эту чертову карусель сначала.

Взгляд против воли вернулся к будильнику. Два часа ночи. Тринадцать часов до отъезда. Хорошо, что хоть школа у Ника еще не началась, сможем по-человечески попрощаться. Я даже не понял, почему сердце вдруг замерло. Точнее, понял прекрасно.

– Знаю, ты бы хотела, чтобы мы были вместе. Но я облажался.

Вроде уже немало времени прошло со дня ее смерти, а я до сих пор оправдывался, словно она стояла рядом. Взглянув на лежащие на столе счета, вспомнил, что завтра до пяти надо не забыть заплатить. Потом вернуться домой. Приготовить ужин. Найти для мелкого новый рюкзак в школу, прошлый где-то при переезде затерялся. А потом понял, что к вечеру меня здесь уже не будет. Холодный озноб пробежал по позвоночнику.

– Он взрослый парень, прорвется как-нибудь. Да, мам?

Я прикрыл глаза.

– Черт. Нет.

Свалившийся внезапно Эдмундс с трудом умещался в голове. Как будто я заснул на середине дурацкого фильма как раз посреди кульминации. Вот сейчас проснусь, и снова все станет как раньше. Но нет, солдат, это тебе не чертово кино.

Я подошел к стене, чтобы снять с вбитого туда гвоздя перчатки. Вряд ли мне разрешат их оставить. Все, что нужно для тренировок, есть в интернате, так говорил полковник. Но эти вроде как счастливые. Я в них ни одного боя не проиграл. Покрутив на прощание в руках, я аккуратно положил перчатки на стол. «Может, Нику пригодятся», – подумал я – и прыснул. Ну и бред. Ник и бокс – вещи настолько же несовместимые, как лед и огонь, как солнце и луна, как, в конце концов, наш отец с матерью.

Я до сих пор не мог понять, каким образом они столько прожили вместе. Все-таки люди иногда странным образом выбирают друг друга, вопреки голосу разума и рациональности. За восемнадцать лет их совместной жизни в нашем доме скопилось такое количество разбитой посуды, что хватило бы на целый французский сервант моей бабушки. Родители просто не умели иначе – не умели жить не на точке кипения. Парадокс, но при этом их отношения никогда не трещали по швам.

Покачивая головой, я ухмыльнулся. Яркое «тогда» все еще разноцветным ворохом плясало перед мысленным взором, когда необратимо приближающееся «завтра» уже маячило на горизонте. Еще никогда раньше я так отчаянно не мечтал остановить время, вместо того чтобы шагать с ним в ногу. Я окинул взглядом комнату – в поисках хоть одной вещи, которую мог

забрать с собой как напоминание о доме, – но увы. Отец решил, что от прошлого нужно избавляться сразу и без сожалений. Потому что так легче. Так что я застегнул полупустой рюкзак, зашвырнул его в угол и свалился на кровать прямо в одежде, прикрыв от света глаза рукой. До сих пор не привык, что дом этот в редкостном запустении, и даже выключатель здесь приделан в прихожей. Но сил встать и вырубить его уже не осталось.

Кровать была скрипучей и неудобной. В комнате оказалось слишком жарко, к тому же я до сих пор не привык к ее запаху, – однако усталость взяла свое. Растеклась по телу, и я вместе с ней – по постели. Но когда сон уже практически унес меня в свои глубины, раздался тихий голос:

– Джесс... Джесс...

Я с трудом разлепил уже успевшие привыкнуть к темноте под веками глаза и сощурился.

– Можно я сегодня в твоей комнате посплю?

Нет!

Нет и нет.

Господи, нет!

Я покачал головой, потому что это становится его дурной привычкой. И разозлился почему-то. На него – и на себя. Едь знал, стоит посмотреть в его лицо, и я пропаду, потому что только Ник мог заставить меня сделать для него все что угодно. Вот только как ему объяснить, что к слабости быстро привыкаешь? Неужели он не понимает, что завтра его будет некому жалеть?

«Малыш, – кричало все внутри. – Сталь закаляется огнем и ударами, только так металл становится тверже. Невозможно выиграть бой, не выходя на ринг. Нельзя стать победителем, не подняв перчаток». А Ник... он всегда был слишком хрупким, слишком... невинным, господи. Только мир вокруг погряз в войне, и как выбраться из него победителем, если ты далеко не воин?

– Бро, ты уже взрослый пацан. Давай сам, а? – стараясь, чтобы голос звучал насколько возможно ровно, ответил я, но вместо того чтоб уйти, Ник присел на край моей кровати. Я обреченно вздохнул. Даже не говоря ни слова, этот мелкий засранец умел вертеть мной так, как никому не позволено.

– Мне опять снился огонь, – произнес он, обхватив тонкими пальцами свои воробьиные плечи. Такие же, как у матери. Отец часто шутил, что об углы ее тела можно порезаться. И ее «острота» досталась Нику. – А если я не успею, Джесс? Вдруг я не смогу, как в тот раз, проснуться, и мы все сгорим?

Он заглянул мне в глаза своими – умоляющими, как у брошенного щенка, и чувство вины тут же вспыхнуло внутри, огнем пробежав по нервам. Прости, что приходится оставить тебя.

Прости.

Прости.

Ник смотрел на меня, не ожидая ответа, а потом подошел к столу, взял в руки перчатки и положил их сверху на рюкзак.

– Это же счастливые, – объяснил он и медленно развернулся, чтобы уйти.

Боже... Дети определенно понимают больше, чем мы, идиоты взрослые. На секунду я обреченно прикрыл глаза, чувствуя, как в них остро режет. Потому что Ник – последнее светлое, что у меня осталось. Причина, которая, как плот, все еще держала меня на плаву среди океана проблем.

Отодвинувшись к стенке, я надавил на переносицу и крикнул:

– Топай сюда! Только подушку свою захвати.

Глава 5. Рейвен

Театр ночью – непроходимый лабиринт. А без фонаря – еще и травмоопасный. Ступать приходится осторожно, чтобы не провалиться в щель или не пораниться о валяющиеся вокруг осколки и обломки. Здесь нет ни нормальной уборной, ни кухни, ни даже подобия спальни. Стены от пола до потолка в трещинах и сколах, а проходы завалены сломанными креслами, театральным реквизитом, мусором и пылью. Со стороны это место похоже на огромный шкаф, в который запихали все ненужное. Так что, кажется, откроешь двери – и этот хлам с грохотом на тебя повалится.

Осторожно переступив через гипсовый бюст не то Шекспира, не то Медузы Горгоны, я втискиваюсь в узкий проход, хватаюсь за стену, чтобы устоять на ногах, и оглядываюсь. Комната похожа на репетиционный зал, потому что одну стену занимает большое зеркало, местами разбитое. В центре на полу – закопченная дровяная печка, в которой уже горит огонь, и два матраса. Сосредоточенно глядя перед собой, Шон достает из сумки футболку и запихивает туда собственную куртку, соорудив подобие подушки.

Что-то внутри подсказывает: от одной лишь мысли о подобной ночевке прежняя Виола грохнулась бы в обморок. Но сейчас, когда меня трясет от холода, тошнит от того, что во рту сутки не было ни крошки, а усталость едва не сбивает с ног, мне настолько все равно, что, как только я опускаюсь на постель, сразу засыпаю. Даже раньше, чем разрешаю себе подумать, насколько грязное надо мной одеяло.

Первое, что я вижу, открыв глаза, – гипсовая лепнина. Она заполняет весь потолок, изгибаясь причудливыми узорами – местами совсем целыми, местами расколотыми паутиной серых трещин. Лепесток штукатурки отстает от потолка, видимо, решив, что он лист, оторвавшийся от дерева, и, медленно кружась в воздухе, опускается мне на голову. Я смахиваю его ладонью.

– Короли и восьмерки! – восклицает незнакомый женский голос.

– Да быть не может!

Я поворачиваюсь и вижу копну торчащих белых волос. Арт восседает на широком подоконнике, одну ногу согнув в колене, а вторую свесив вниз. Длинные пальцы сжимают картонный веер.

На другом конце импровизированной скамьи сидит девушка. И я понимаю: это Рейвен. Выющиеся волосы цвета крепкого кофе едва достают до острых плеч. Рубашка на них мужская. Волнами собирается на спине, слегка выбиваясь из-под ремня на брюках. На ее ногах тяжелые ботинки, как у парней. Только совсем маленькие, как и их хозяйка. И я будто бы уже видела ее где-то, только не помню где. А может, с кем-то путаю?

– Смирись уже и займись делом. Принеси обществу пользу, – раздается голос Шона. Пустота зала эхом отражает его низкий тембр. Я поднимаюсь, опираясь на локоть, чтобы увидеть, где он.

Сидя у противоположной стены, ровными отточенными движениями Шон чистит оружие, раскладывая детали в ряд на одинаковом расстоянии друг от друга, словно пасьянс.

– Учитывая, что Ник еще до нашего приезда разгреб гараж, осталось вычистить не так много комнат, – продолжает он. – Только время зря убиваете. Да и твоей партнерше неспроста так везет...

Незнакомка глухо фыркает:

– А ты, оказывается, умеешь говорить. – Она поднимает взгляд и, ухмыляясь, сгребает с подоконника колоду. – Я уж подумала, что картонный. Как те парни из каталога «Аберкромби».

Шон хмурится, едва поворачивая в ее сторону подбородок в крошечных порезах от бритвы. Меня так и подмывает спросить, чем это он так умудрился.

– Эй! – Арт взмахивает руками. – Моих друзей не обижать! Не подкалывать и не смеяться. Здесь это позволено только мне.

– Ты о том, что я его картонным назвала? – Рей тоже принимается за пасьянс – только, в отличие от Шона, настоящий. Карты рядами ложатся на белый подоконник, и каждое приземление рубашки на бетон сопровождается резким шлепком. – Так он и сам об этом знает, поверь.

– Вообще-то у меня имя есть, – ровным голосом произносит Шон.

– Я помню, Рид, прекрасно помню, – отвечает Рейвен. – Вопрос только в том, помнишь ли ты мое?

Она выпрямляется, подняв взгляд. Арт замирает, словно сурикат, – готовится впитывать каждое слово, которое прозвучит, – но Шон не отвечает. Тянется к вороту и застегивает верхнюю пуговицу. Все это мелочи, но именно из них состоит тот самый Шон, которого я знаю. И в данную минуту он ото всех закрывается.

Только сейчас я замечаю, что Джесс тоже здесь. Сидит, прислонившись спиной к стене, глядит в потолок, как будто его там что-то притягивает, и не проявляет ни малейшего интереса к разговору. Я неосознанно тоже поднимаю взгляд на потолок, но кроме потрескавшейся штукатурки ничего интересного не вижу. Китель старшего Лаванта небрежно валяется рядом, словно что-то ненужное, а верхняя пуговица рубашки расстегнута.

– Джесс, – осторожно зову я, и он поворачивает в мою сторону голову. Вопрос я не озвучиваю – в детской надежде, что, пока плохое не сказано вслух, оно не случится, – и Джесс неожиданно меня понимает. «Пока не очнулся», – качает он головой, а потом вытаскивает из кармана пачку сигарет и закуривает, чем сильно меня удивляет. Я думала, никто из парней вредных привычек не имеет. Тем более Джесс.

– Не думала, что ты куришь, – вторит моим мыслям Рейвен.

Джесс непонимающе пожимает плечами:

– То есть?

– Не лезь к парню. Дай ему оплакать собственную жизнь, – переводит Артур и затягивает жутко заунывную песню про то, что дом наш теперь – дорога да тюрьма. Я уверена на все сто: он делает это специально.

Ветер звенит оконными рамами. Артур тянет грустный припев. Судя по взгляду, Джесс готов обложить его трехэтажным матом, но продолжает молчать. Шон, притихший и затившийся, собирает оружие. Я откидываю одеяло и приподнимаюсь. Волосы на руках тут же встают дыбом от холода, и я ниже натягиваю рукава.

– С пробуждением, – Арт наконец замечает меня и, спрыгнув с подоконника, шагает навстречу, раскинув руки. – Как ты, маленький шпион? Смотрю, неплохо втянулась в жизнь беглеца.

Я вымученно улыбаюсь:

– У меня были отличные учителя.

Рейвен бросает на меня настороженный взгляд и возвращается к своему занятию. И хотя я понимаю, что теперь ее присутствие в моей жизни неизбежно, все равно не могу отделаться от чувства, что что-то здесь не так. То, что она выдала Нику информацию, разоблачающую Коракс, – маловато, чтобы заслужить мое расположение и доверие. Возможно, я просто ревную – уж слишком легко она влилась в нашу компанию, – но ревность моя исключительно с благими намерениями. С такими, как Рей, надо держать ухо востро.

Присев на корточки, Арт кладет руку мне на лоб, точно как мамы делают со своими детьми.

– С тобой все в порядке?

Я киваю.

– Уверена? А то по лицу не скажешь.

Я трогаю переносицу кончиками пальцев и морщусь. Болит, правда, гораздо меньше, чем вчера. По крайней мере, я снова могу дышать. Это ли не счастье? Артур возвращается на подоконник и принимается постукивать ногой в такт своей песне. Я слушаю. Внимательно впитываю его интонации, пытаюсь ухватить, чему он – невыспавшийся, наверняка голодный и замерзший, как, впрочем, и все мы, – так радуется.

– И только пыль дорог в товарищи...

– Ты играешь или нет? – Рейвен сдает карты по одной и, подняв тонкие черные брови, выжидающе смотрит на напарника – тот безмятежно выпевает им же придуманный куплет.

– Слушай, ты умеешь молчать? – Да, сделаное спокойствие Джесса вылетает в трубу.

– А что? У тебя проблемы? – отвечает Арт, даже не оборачиваясь, и поднимает карты веером. – Можешь завтра меня уволить.

– Арт... – упрекает его Шон с другого конца комнаты.

– А чё он сидит с похоронным видом? Тут и так холод собачий, еще и на его унылую мину любоваться. За детство по горло насмотрелись. Все-таки справедливость – забавная штука, правда? Раньше ты нас изводил, а теперь я могу делать это одним лишь пением. Ну разве не прелестно? – ухмыляется Артур. – Предлагаю забить на субординацию, Джесс, раз уж ты все равно похерил карьеру.

Джесс молчит, не позволяя себе лишних эмоций. Глаза его – как серый лед. Может быть, кто-нибудь однажды и сумеет растопить этот айсберг, но сейчас он явно дает понять, что переживания по поводу чужого мнения для него – бесполезная трата времени.

– Пропускаю, – Рейвен слегка постукивает сложенными в стопку картами по подоконнику.

– Если уж я тебя даже в свой дневник записал, то это что-то да значит, – продолжает Арт, видимо, решив выплеснуть все, что накопилось. – Очень ты меня любил дергать своими «Кавано опять...» – а там нужное слово не сложно подставить. Хотя как по мне, ты так относишься ко всем, кто близок Нику. Близок больше, чем ты, – уточняет он. – Что ж ты не спас его в тот единственный раз, когда был действительно нужен? Пока Максфилд всю душу из него не вытряс, а?

Джесс сосредоточенно затягивается и выдыхает сизый дым. Мне вдруг становится его даже жаль, хотя доля правды в словах Арта безусловно имеется.

– Был на похоронах. Не успел вернуться.

– Хоронил разбившиеся надежды? – язвит Арт.

– Хоронил отца, – громким шепотом отвечает Джесс и тушит окурок прямо о бетонную стену. Шум комнаты растворяется в воздухе, словно сигаретный дым. Самая страшная тишина – когда все замолкают одновременно.

Арт отворачивается, едва слышно ругнувшись. Но Джесс не выглядит рассерженным, несмотря на ситуацию. Разбитым, потерянным – да, но не разозленным. Он смотрит перед собой, делая вид, что ничего не случилось, но я знаю: это только фасад. Братья уже потеряли маму; теперь еще и отец. Я пытаюсь представить, что они чувствуют, но не могу. Внутри странная нелепая пустота, как будто эмоции кончились. А потом Джесс поднимается и молча покидает комнату, будто хлопнув несуществующей дверью. До конца дня мы с ним не разговариваем.

Под вечер Арт вместе с Шоном привозят еду и чистые теплые вещи. Кое-как вымыв волосы, я переодеваюсь в джинсы и мужскую толстовку защитного цвета. Вид в разбитом зеркале уже не так пугает. Привыкла. Отек с носа постепенно сходит, а круги под глазами начинают менять цвет, из палитры фиолетовых плавно перетекая в зелено-коричневый. Ник так и не просыпается. Джесс по-прежнему дежурит в его комнате, наверх поднимается лишь поесть и торопится вернуться обратно – никому из нас он не доверяет.

– Я просто хочу быть уверен, что, если понадобится, рядом будет человек, способный оказать помощь.

– Ты не сможешь дежурить возле него сутками, – упираюсь я. – Отдохни, а если что-то понадобится, кто-нибудь из нас сразу тебя разбудит.

– Посплю внизу. – Вот и все аргументы.

Я поняла, что с Джессом иных вариантов не существует. Можно изливать на него всё красноречие, умолять, падая на колени, хоть головой об стенку биться – если он принял решение, пересмотрю оно не подлежит.

Рейвен тоже еще не решила, правильно ли поступила, сбежав, – судя по тому, как настороженно она за всеми наблюдает. И, признаться, я ее понимаю. Эмалированный таз вместо отделанной кафелем ванной, пыльные матрасы вместо уютной постели, еда навынос из придорожной закусочной вместо привычного завтрака, обеда и ужина... Есть по чему тосковать, кто ж поспорит. Только золотая клетка не перестает быть клеткой. Вероятно, поэтому Рей и молчит.

Ночью я просыпаюсь от привычного кошмара. Вздрогнув, хватаюсь за одеяло и натягиваю его по подбородок. Пульс колотится, и на секунду становится так страшно, что еще немного – и завою.

– Глубоко вдохни, – слышу я тихий голос, спокойный и уверенный. – Сосчитай до трех. А теперь медленно выдыхай.

Опираясь на локоть и глядя на меня блестящими темными глазами, девушка методично повторяет команды. Я их послушно выполняю, и спустя десяток вдохов пульс начинает успокаиваться.

– Ну как? Лучше?

– Да, – шепчу я, понимая, что в ее присутствии действительно спокойнее. – Спасибо.

Рейвен удовлетворенно кивает, ложится на спину, закинув руки за голову, и молча смотрит в потолок. Глаза уже привыкли к темноте, так что я могу четко разглядеть ее аккуратный профиль – и снова ловлю себя на мысли, что кого-то она мне очень напоминает.

– Прости, что разбудила, – оправдываюсь я. – Эти сны когда-нибудь меня доконают.

– Это Эхо, – поясняет она едва слышно. – Программа усиливает функции мозга, отвечающие за зрительные образы. Оттуда и кошмары. Со временем проходит, если не обращать внимания. Правда, твое Эхо самое странное из всех, что я видела. Если оно вообще у тебя есть.

– Есть, я уверена, – заявляю я, вспоминая, как видела мир глазами Ника. – С чего ты решила, что его у меня может не быть?

– С того, что я его не слышу, – отвечает Рейвен, поворачивая голову, чтобы рассмотреть выражение моего лица. Я подтягиваю одеяло повыше, словно пытаюсь отгородиться им, как щитом. – Там, в Третьей лаборатории, вас выдало Эхо, – продолжает она. – Парней, не тебя. Они как маленькие дети, что заполучили сломанное радио – и давай крутить его, разбрасывая повсюду шипящими обрывками. Артур, когда нервничает, самый шумный. Шон, – она кивает на спящего парня, – и во сне такой же молчаливый, но иногда его броня все же падает и я его слышу. А тебя – нет.

Я съеживаюсь от одной лишь мысли, что кто-то незаметно может прокрасться в чужую голову. Законно ли это вообще?

– Я думала, Эхо позволяет видеть лишь то, что мы сами готовы показать.

– Так и есть, просто надо уметь им управлять. Твой рот ведь не извергает весь поток мыслей, что приходят в голову. Так же и Эхо. Его надо контролировать.

– Откуда ты это знаешь? – Теперь уже я привстаю на матрасе, чтобы лучше ее видеть.

– Доктор Хейз, – коротко отвечает она. – Руководитель Третьей лаборатории.

– Вы с ним ладили?

– Он был мне... как отец. Хотя им и не являлся. Он для меня семья. Дом.

Осознание того, с какой тоской, но при этом теплотой она говорит об этом, пугает и одновременно очаровывает. Я с трудом понимаю, как можно скучать по людям, которые столько лет держали тебя взаперти. Хуже человека, который, прикрываясь благими намерениями, ранит других людей, – только тот, кто оправдывает его действия.

– Прости, но я не понимаю, как можно тосковать по этому месту. – В голове снова мелькает спрятанный от мира на краю города комплекс серых зданий, холодных и бездушных. Идеальный санаторий для посторонних глаз. «Идеальная клетка для того, кто попал туда однажды». – Те люди держали тебя взаперти...

Сдержанное недовольство мелькает в ее взгляде.

– Надо учиться отделять зерна от плевел, Виола. Не каждый, кто стоит на стороне зла, сам является злом, Виола.

– А кто является? Разве тебя не силой поместили туда?

– Допрос закончен, – отвечает Рейвен. Душа, которую она на мгновение приоткрыла, снова захлопывается. – На диске тоже можешь не искать. Информации обо мне там нет.

– Я бы и не стала.

Рейвен оборачивается, секунду глядит в мои глаза, будто негласно ухмыляясь: «Брось, кого ты обманываешь?», – и снова возвращается взглядом к потолку. В комнату шмыгает сквозняк – видимо, кто-то открыл дверь внизу, – и вместе с холодом меня внезапно прошибает волной стыда. А ведь она права: мне как-то придется признаться Нику, что я читала его дневник. Я делаю глубокий вдох.

– Ви...

Из-за дверей выглядывает Арт, жестом просит подойти. Рей поднимает голову, глядя то на меня, то на Кавано, затем отворачивается и, устраиваясь поудобнее, кулаком подбивает подушку.

В коридоре ничуть не теплее, чем на улице, и я накидываю капюшон. Сквозь заколоченные окна без стекол внутрь крадется ветер.

– Что-то случилось? – шепчу я, семена следом за Артуром. Он останавливается и, резко развернувшись, хватает меня за предплечья.

– Он пришел в себя!

– Что?

– Ник пришел в себя, – повторяет Арт, бледный как полотно.

– С ним всё в порядке? – спрашиваю я, стараясь не думать о том, почему сердце так бьется и рвется в занавешенную тяжелыми шторами комнату.

– А сама как думаешь?

– Сильно плохо?

Арт молчит. И я понимаю: мне нужно увидеть Ника, несмотря ни на какие отговорки и протесты Джесса. Чтобы просто убедиться, что все в порядке. Потому что наша история должна быть дописана. Пусть из нее и вырвана по меньшей мере половина страниц, она заслуживает того, чтобы появились новые главы. На этот раз – полные надежды на светлое будущее.

– Где Джесс? – спрашиваю я. О нашем разговоре с ним решаю не упоминать, хотя отлично помню его слова, холодный взгляд, готовый уничтожить, и колющие ноты в голосе: «Я не позволю сломать ему жизнь».

– Он уехал. Нужны какие-то серьезные лекарства. Попросил покараулить, пока его не будет.

– Спасибо, – шепчу я, закусывая губу, и притягиваю Арта за плечи, порывисто обнимая. Изнутри охватывает такая паника, какой я давно не испытывала. Арт гладит меня по спине, потом отпускает и делает шаг в сторону, давая пройти. Я спускаюсь по лестнице, стараясь не шуметь, – но чем меньше остается ступенек, тем сильнее во мне крепнет желание повернуть обратно. А вдруг он не захочет меня видеть? Касаюсь ручки и замираю около двери, заметив

на полу полосу света. Раздается скрип диванной пружины, за которым следует сдавленный стон. Набравшись смелости, я тихо вхожу.

В комнате Ника нет окон. Освещается она двумя лампами: старой с красным абажуром с одной стороны дивана и небольшой офисной у стола. Место, где Ник лежит, приподнятый на подушках, утопает в тени, и его лицо невозможно разглядеть в полумраке.

– Ник? – зову я.

Он дергается и, увидев меня, пытается отвернуться, но боль не дает ему этого сделать. С силой зажмурившись, Ник цедит сквозь сжатые зубы:

– Уходи...

Я застываю посреди комнаты, почти не дыша, слишком напуганная, чтобы подойти хоть на дюйм. Хочу извиниться за то, что он пострадал из-за меня, но из сотен слов, кружащих в голове, никак не могу выудить подходящие.

– Позволь тебе помочь, – прошу я. Несмотря на то что меня бьет дрожь, на этот раз мой голос звучит уверенней.

– Где Джесс? – А голос Ника огрубел после суток молчания и напоминает шуршание веток.

– Он уехал, но скоро вернется.

Ник молча ведет меня взглядом, сверкая глазами в полутьме, и тут я замечаю, что его мелко трясет. Подушка под его головой насквозь промокла, сквозь рубашку просачиваются кровавые пятна. Даже самая сильная регенерация не рассчитана на такие ранения. Внутри меня крепнет глупый страх, что стоит оставить его одного, и случится непоправимое.

– Что мне сделать?

– Только не ты, Ви... – умоляет он, пытаясь отвернуться, и диван стонет от резкого движения. Следом за ним стонет и Ник – так, что у меня мороз идет по коже. Я оглядываюсь в поисках аптечки. Благо, долго искать не приходится: открытая, она лежит на столике рядом с диваном. Склонившись над ней, трясущимися пальцами я перебираю содержимое. Бинты, шприцы, какие-то таблетки. Большая часть названий мне совершенно незнакома. Теперь даже я мечтаю о том, чтобы поскорее вернулся Джесс. Живот скручивает от беспомощности и страха. Как давно он уехал? Почему в этой душной комнате нет окон, а у меня с собой ни часов, ни телефона?

– Здесь есть какие-нибудь анальгетики? – спрашиваю я.

– Нет. Больше нет, – шепчет Ник, сжимая в кулаке край одеяла, и я замечаю, что по его щеке скатывается слеза. Он крепче зажмуривается, сжимая челюсти так, словно пытается уничтожить боль изнутри. – Уходи, Ви. – Тихий стон, усталая просьба.

Я обреченно опускаюсь на пол и шепчу:

– Почему?

– Потому что... потому что я не нуждаюсь в жалости. Особенно в твоей.

Издаю нечто похожее на смешок. Наверное, это нервное.

– Какой же ты идиот, если до сих пор считаешь, что единственная причина, по которой я могу быть здесь, – жалость.

– А разве есть иная? – осторожно спрашивает он. Ник явно не в состоянии со мной спорить, и мне вдруг становится ужасно стыдно. Неужели я и впрямь вела себя как эгоистичная неблагодарная стерва, которая смогла бы бросить его бороться в одиночку? Особенно после всего, что мы пережили вместе?

Я сажусь рядом с диваном на корточки и, протягивая руку, убираю влажные волосы со лба Ника. Кожа под моими пальцами не просто горячая – раскаленная. Надо бы измерить температуру. Хотя что толку? И так ясно: его организм на пределе.

– Тут минимум четыре человека, которым не плевать. Так что хоть иногда позволь другим тебе помочь.

Ник притихает. Мы оба молчим. Слышно лишь тяжелое дыхание. Ник пытается пошевелиться, но каждый раз стонет от смены положения и на пару минут застывает, вероятно, надеясь, что так болеть будет меньше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.